

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Asia 72.305

Trymskii

Musul'manstvo

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

А. Крымскій

МУСУЛЬМАНСТВО

И

ЕГО БУДУЩНОСТЬ.

ПРОШЛОЕ ИСЛАМА, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХЪ
НАРОДОВЪ, ИХЪ УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ, ИХЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цѣна 75 коп.

Издание магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО“

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНЫЯ МАГАЗИНА
„КНИЖНОЕ ДѢЛО“

(Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ)

И НАХОДЯЩИЯСЯ НА СКЛАДѢ.

- Андерсонъ, Р.** Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Вертильонъ, Ж.** Приемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Со вступительною статьей проф. А. Θ. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Врентано, Л.** Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 коп.
- Вейнбергъ, П.** „Для дѣтей“ (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Цѣна въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. А. I. Г.** Песталоцци. Біогр. оч. Съ порт. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Θ.** Дрѣв. Азбука христіанскаго благонравія. Ц. 25 к.
- Гаазъ, Θ.** Дрѣв. Призывъ къ женщинамъ. Ц. 25 к.
- Гёте, В.** Фаустъ. Пер. Н. Голованова. Съ гравюрами худ. Лиценмайера. Изящное изданіе. Ч. I, ц. 1 р. 50 к. Ч. II, ц. 1 р. 75 к. Обѣ части вмѣстѣ цѣна 3 руб.
- Гиддингсъ, Ф. Г.** Основы соціологіи. 2-ое изд. М. 98 г. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А.** Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, А. А.** Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.
- Грантъ-Алленъ.** Жизнь растений. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э.** Формы семьи и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Денъ, В.** Къ ученію о цѣнности. Три очерка. I. Адамъ Смитъ. — II. Давидъ Рикардо. — III. Карлъ Родбертусъ-Ягцеовъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Джемсъ, В.** Стоить ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, Е.** Міровая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е.** Защита отъ болѣзней. 1898 г. Цѣна 15 коп.
- Зиммель, Г.** Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Каблуковъ, Н. А.** Обѣ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
- Е—ва, М.** Очерки и замѣтки. Содержаніе: Слабый ростокъ. — Экзамень. — Отчего онъ такъ скоро угасъ? — Швея. — Съ крутизны. — Вечеръ. — Что говорятъ о женщинахъ писатели иностранные и русскіе. Ц. 1 р.
- Кардо-Сисоева, Н. Е.** Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к., въ изящ. переплеть 80 к.
- Квасковъ, Я. Г.** Реформа библіотечнаго дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф.** Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фуллѣ: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ.** Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Елоддъ, Э.** Первобытныи человѣкъ. Съ рисун. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Енаппъ, Г. Ф.** Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.

7.1.5

И

ЕГО БУДУЩНОСТЬ.

Прошлое ислама, современное состояніе мусульманских народов, их умственные способности, их отношенія къ европейской цивилизаціи

Издание магазина „Книжное Дѣло“

Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Asia 72.305

✓

Motre

Дозволено цензурою. Москва, 7 іюля 1898 года.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I. Мохаммедъ и Коранъ. . . . . стр. 1—16.

Воззрѣнія и идеалы арабовъ-язычниковъ не представляли удобной почвы для дѣятельности Мохаммеда. Его десятилѣтняя проповѣдь въ Меккѣ не имѣетъ успѣха. Мохаммедъ переселяется въ Медину, враждебную Меккѣ и проникнутую мессіанскими воззрѣніями; тамъ онъ организуетъ религіозную общину. Законъ о раздѣлѣ имущества невѣрныхъ между мусульманами. Изъ мединцевъ вырабатываются люди искренновѣрующіе, но прочихъ арабовъ побуждаетъ присоединяться къ Мохаммеду только хищность. Взятіе Мекки и признаніе ея за религіозный центръ; мекканцы изъ практическихъ соображеній помогаютъ распространенію ислама по всей независимой Аравіи. Отвращеніе арабовъ къ исламу, какъ къ религіи, и старанія пророка привязать ихъ къ вѣрѣ мірскими благами и добычей; но его походъ въ Сирію кончается неудачей. Мохаммедъ умираетъ, оставляя Аравію наканунѣ отпаденія отъ ислама.

Коранъ собранъ не при жизни Мохаммеда и изложенъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, — отсюда вытекаетъ возможность толковать его неодинаково. Четыре столпа ислама и прочія обязанности. Священная война; Мохаммедъ предписывалъ священную войну какъ оборонительную, но современные му-

сультане понимаютъ ее какъ наступательную. Подъ невѣрными современныи исламъ разумѣть не то, что разумѣлъ Мохаммедъ. Грубость мусульманскаго рая и ада.

ГЛАВА II. Браткій очеркъ исторіи ислама. . . . стр. 17—40.

Арабы отъ ислама по смерти Мохаммеда отпадаютъ. Вѣрующіе мединцы и властолюбивые мекканцы помогаютъ Абу-Бекру вернуть арабовъ къ повиновенію. Всѣ арабскіе протесты противъ вѣры Мохаммеда прекращаются блестящими внѣшними завоеваніями и богатою добычей. Отсутствіе религіознаго фанатизма у арабовъ-завоевателей; истинныя причины ихъ побѣдъ. Халифы Омейядскіе и ихъ попытки удержать побѣжденные народы отъ обращенія въ мусульманство. Вѣкъ первыхъ Аббасидовъ-персофиловъ; расцвѣтъ матеріальной культуры и науки въ халифатѣ; открытое господство вольнодумныхъ мотазилитскихъ идей и униженіе четырехъ правовѣрныхъ толковъ. Мотаваккиль и побѣда клерикализма. Постепенное распаденіе халифата. Тюрки и за ними монголы наносятъ мусульманской цивилизаціи сильнѣйшіе удары. Османское царство; турки-османы дѣлаются представителями ислама и утверждаютъ въ немъ косность и фанатизмъ. Очеркъ состоянія ислама въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій. Политическій упадокъ мусульманскихъ государствъ къ нынѣшнему вѣку и безсиліе ихъ противиться западному вліянію.

Въ чемъ заключается историческое значеніе ислама?

ГЛАВА III. Современное положеніе ислама. . . . стр. 41—103.

Отличительный характеръ новой мусульманской исторіи—смѣшеніе стариннаго азіатства съ европействомъ. Отчасти самъ Востокъ ищетъ сближенія съ Западомъ, отчасти Западъ болѣе или менѣе назойливо вторгается на Востокъ и порождаетъ новыя формы жизни. Главныя распространительницы европейской цивилизаціи на Востокъ—Англія и Россія.

Мусульманскій матеріалъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло Западу, не однороденъ: это—народности разныя, съ разнымъ національнымъ характеромъ. Отсутствіе фанатизма къ

гяурамъ и большая или меньшая способность сближаться съ Западомъ находится въ связи со степенью природной талантливости и умственного развитія каждой націи. Арабы и персы—элементъ прогрессивный, турки—элементъ ретроградный.

Въ основѣ стараго государственнаго строя мусульманскихъ странъ лежитъ принципъ теократическій; мусульманскій повелитель, какъ духовный глава, принужденъ считаться съ волей обскурантнаго духовенства. Поэтому для энергичнаго проведенія реформъ въ западномъ духѣ мусульманскій повелитель долженъ былъ бы самъ горячо вѣрить въ превосходство западной цивилизаціи; такихъ повелителей Востокъ еще не имѣлъ, особенно Турціи; оттого всѣ до сихъ поръ произведенныя реформы носятъ характеръ поверхностный. И реформированное, свѣтское, министерское чиновничество, и чиновники нереформированнаго духовнаго вѣдомства одинаково проникнуты старымъ азіатизмомъ; вездѣ господствуетъ застой, небрежность и чудовищное взяточничество, особенно въ Турціи, въ силу чего государственный механизмъ разстроенъ и народъ разоренъ; у Турціи въ государственномъ бюджетѣ постоянный дефицитъ. И съ внѣшней стороны мусульманскія государства крайне слабы; хотя военное дѣло въ Турціи реформировано, но отъ недостатка денегъ и нечестности властей войско не можетъ быть поставлено хорошо; другихъ же мусульманскихъ государствъ военныя реформы едва коснулись.

И внутренній бытъ современнаго востока поставленъ въ условія, плохо содѣйствующія возрожденію. Отличительные признаки мусульманской семьи — право многоженства и харемъ. Харемъ отупилъ мусульманскую женщину и развратилъ мужчину; харемъ — очагъ косности и вражды къ прогрессу. У многихъ мусульманъ сознается потребность реформы въ этомъ направленіи, но у турковъ, даже образованныхъ, замѣчается къ ней большая неохота.

Школа, образованность и литература находятся у большинства мусульманъ на низкой степени; старыя духовныя школы, даже въ Персіи, не удовлетворяютъ потребностямъ времени; европейскихъ школъ мало въ Турціи, въ силу турецкой косности, а въ Персіи—въ силу ея отдаленности; наи-

болѣе приблизились къ Европѣ арабы. Большія надежды подаютъ даровитые иранцы.

Промышленность и торговля при турецкомъ хозяйничаньѣ не могутъ процвѣтать.

ГЛАВА IV. Вопросъ о жизнѣнности ислама и о его способности къ усвоенію нашей цивилизаціи . . . . . стр. 104—120.

Хотя въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ отношеніи мусульманскія государства находятся въ упадкѣ, но исламъ, какъ религія, не умираетъ, а напротивъ—распространяется. Нѣтъ надежды, чтобы онъ перешелъ въ христіанство. Но препятствіемъ къ прогрессу и усвоенію европейской культуры и образованности исламъ служить не можетъ, по крайней мѣрѣ для персовъ и арабовъ; турки же цивилизуются, если теряютъ политическую самостоятельность. Главная помѣха прогрессу на Востокѣ—политическое существованіе гнилого Турецкаго государства. Съ уничтоженіемъ Турціи восточные народы войдутъ въ европейскую семью.

Опечатка на страницѣ 1-й, въ 14-й строкъ: вм. „Черномъ морѣ“
надо читать „Чермномъ морѣ“.

МУСУЛЬМАНСТВО И ЕГО БУДУЩНОСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мохаммедъ и Коранъ. .

Исламъ, иначе мусульманская или мохаммеданская религія, вызванъ къ жизни арабомъ Мохаммедомъ въ первой половинѣ VII в. по Р. Х.

Арабы до того времени были народомъ мало-извѣстнымъ, кочевымъ или полукочевымъ, съ крайне грабительскими наклонностями. Лучшія земли Аравійскаго полуострова находились въ рукахъ или подъ вліяніемъ гордыхъ, хотя уже не могущественныхъ сосѣдей: персовъ и византійцевъ. Независимыми областями оставались Недждъ (центральная часть полуострова) и сосѣдній Хиджазъ (сѣверозападная прибережная полоса при Черномъ морѣ, съ городами Меккой и Яерибомъ). По религіи арабы были полидемонисты, многобожники: они наполняли окружающую ихъ природу (горы, пустыни) множествомъ мелкихъ невидимыхъ божествъ обоихъ половъ, имѣли также идоловъ, и въ Меккѣ былъ храмъ Кааба, гдѣ были собраны идолы всѣхъ племенъ. Высшею святыней храма былъ „Черный камень“, принесен-

ный, по преданію, съ неба; на поклоненіе ему ежегодно шли въ Мекку толпы пилигриммовъ отъ всѣхъ племенъ, при чемъ здѣсь происходила и ярмарка. Меккой и храмомъ Каабы владѣло (съ 440 г.) торговое племя корейшитовъ, которое отъ пилигримства получало большую прибыль. Въ VII в. поклоненіе богамъ совершалось болѣе въ силу привычки, чѣмъ въ силу вѣры; большого уваженія къ своимъ богамъ арабы не имѣли, и есть немало курьезныхъ разсказовъ о томъ, какъ развязно обращались они съ богами. Вообще религія играла самую ничтожную роль въ жизни этого практическаго, черезчуръ трезваго народа, особенно у кочевниковъ (бедуиновъ)*). Главой всѣхъ боговъ арабы считали „высшаго бога“ („Аллâхъ Тааля“), именемъ котораго, напр., клялись; но онъ не имѣлъ культа, и самыя представленія о немъ были неясны.

---

*) Авторъ „Исторіи Ислама“ А. Мюллеръ, подведшій въ своемъ сочиненіи итоги научнымъ изслѣдованіямъ своихъ предшественниковъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Жители Мекки держались старыхъ обрядовъ главнымъ образомъ въ силу купеческой точки зрѣнія. Во всемъ же остальномъ, касающемся культа, придерживались древнихъ божествъ лишь изъ консерватизма, опиравшагося, понятно, не на религіозномъ чувствѣ, а на кичливомъ самомнѣніи народа, гордящагося своимъ происхожденіемъ. Исторія ислама указываетъ ясно на то, что только у нѣкоторыхъ изъ племенъ бедуиновъ сохранялись религіозныя начала, въ скрытой, неразвитой формѣ. И мы, поневолѣ, должны *отказать* массѣ этой скептической и расчетливой расы въ опредѣленномъ *богопочитаніи* (ср. „Исторія Ислама“, русск. пер. 1895 г., т. I, стр. 54—55).

Вѣроятно, идея о единомъ Аллахѣ возникла подъ вліяніемъ іудейскимъ. Іудеевъ жило немало среди арабовъ. Такъ, Медина (Яерибъ) была населена преимущественно евреями; были и другія еврейскія колоніи на полуостровѣ. При полнѣйшемъ отсутствіи фанатизма и нетерпимости среди арабовъ іудейство могло бы сильно распространиться; однако эта религія не вполне подходила для арабовъ: она была чрезчуръ національна. Распространялось въ Аравіи и христіанство, но оно для массы арабовъ было слишкомъ догматично: догматы о единомъ Богѣ въ трехъ лицахъ, о воплощеніи, о смерти и воскресеніи изъ мертвыхъ Христа, о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь, и т. п.—казались арабамъ непонятными и даже вызывали очень колкія насмѣшки со стороны этого полу-атеистическаго народа. Рядомъ съ іудействомъ и христіанствомъ работалась новая (впрочемъ, мало организованная) секта „ханифовъ“, отвергавшихъ догматы христіанства и іудейства и проповѣдывавшихъ практическую (этическую) монотеистическую религію: вѣру въ единого Бога (Аллаха), безъ догматовъ, съ ученіемъ о воздаяніи; вѣра въ Бога была у нихъ тождественна со „врученіемъ себя Богу“ (по-араб. „ислâm“) т.-е. „покорностью Богу“. У ханифовъ вѣра была живая, они имѣли склонность даже проповѣдовать ее, но скептическое большинство арабовъ (какъ и теперь бедуины) поразительно мало интересовалось умозрѣніями о Богѣ и будущей жизни и не чувствовало ни малѣйшей потребности искать новой вѣры и разставаться со своею прежнею, язы-

ческою религіей, религіей славныхъ предковъ, которая къ тому же мало или вовсе не связывала человѣка обязанностями. Мохаммедъ въ зрѣлые годы принадлежалъ къ числу ханифовъ.

Родился онъ (думаютъ, 20 апр. 571 г.) въ Меккѣ, среди язычниковъ. Отецъ его Абдаллахъ, по занятію мелкій купецъ, былъ родомъ корейшитъ, а мать Амина — изъ Медины. Отецъ умеръ до рожденія сына, мать—шесть лѣтъ спустя. Сироту взялъ на воспитаніе его дядя Абу-Талибъ, человѣкъ великодушный, но очень бѣдный; вскорѣ ребенку пришлось самому зарабатывать себѣ пропитаніе и взяться за занятіе, которое считалось очень низкимъ: пасти мекканскихъ козъ и овецъ; по цѣлымъ днямъ онъ не видѣлъ въ пустынѣ человѣческаго лица. На 24-мъ году жизни (около 595 г.) Мохаммедъ поступилъ на службу къ богатой и знатной вдовѣ-мекканкѣ Хадиджѣ и путешествовалъ по ея торговымъ дѣламъ съ караваномъ въ Сирію, сперва погонщикомъ, потомъ приказчикомъ. Юноша понравился Хадиджѣ, и она предложила ему свою руку. Бракъ этотъ придалъ извѣстный вѣсъ Мохаммеду въ корейшитскомъ обществѣ, далъ ему счастливую семейную обстановку, обезпечилъ его отъ заботы о хлѣбѣ насущномъ и позволилъ углубиться въ размышленія о болѣе высокихъ предметахъ. До того времени Мохаммедъ былъ такимъ же язычникомъ, какъ и всѣ, но во многомъ не походилъ на своихъ современниковъ. Это былъ человѣкъ мечтательный, задумчивый и нервный. Религіозные вопросы интересовали его. Онъ завелъ сношенія съ іудеями, христіанами

(еретиками: несторіанами и аріанами) и ханифами. Послѣдніе оказали на него неотразимое вліяніе. На 40-мъ году жизни (ок. 610-го или 611-го г.) Мохаммедъ, по обычаю ханифовъ, уединился вмѣстѣ съ семьей для религіозныхъ размышленій на пустынной, дикой горѣ Хира по близости Мекки. И вотъ, когда онъ одиноко томился, постился и тосковалъ, его поразилъ припадокъ нервной болѣзни *), и представилось видѣніе, которое велѣло ему выступить пророкомъ - проповѣдникомъ единого Бога. Послѣ ужасныхъ сомнѣній видѣніе повторилось. Мохаммедъ увѣровалъ въ свое божественное посланничество и выступилъ пророкомъ ислама. Откровенія отъ Аллаха съ тѣхъ поръ стали часты; они приходили къ нему обыкновенно въ видѣ нервныхъ припадковъ, которые нерѣдко схватывали его и на людяхъ.

Увѣровали въ Мохаммеда прежде всего его семья и близкіе друзья, какъ, напр., богатый купецъ Абу-Бекръ и сынъ Абу-Талиба, десятилѣтній Алій; самъ Абу-Талибъ не увѣровалъ, хотя относился къ Мохаммеду до конца жизни хорошо. Далѣе послѣдовали обращенія многихъ рабовъ и нѣкоторыхъ свободныхъ, въ ряду которыхъ крайне важно (на 5-й годъ послѣ откровенія) обращеніе Омара. Разсудительный Абу-Бекръ регулировалъ непостоянный духъ нервнаго Мохаммеда и говорилъ вмѣсто него

---

*) Это была не падучая, какъ долго думали въ Европѣ а мускульная истерія. Такъ ее опредѣляетъ Шпрегеръ, который и оріенталистъ, и докторъ.

тамъ, гдѣ требовалась дипломатическая тонкость; энергичный Омаръ выступалъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась сила и энергія; многіе историки склонны именно въ немъ видѣть настоящаго основателя ислама. Число увѣровавшихъ мекканцевъ было очень невелико: вмѣсто вѣры Мохаммедъ въ теченіе десяти лѣтъ встрѣчалъ только издѣвательства корейшитовъ и даже вражду, такъ какъ торговые интересы и благосостояніе мекканской аристократіи были связаны съ языческими пилигримскими ярмарками. Пророкъ терпѣливо все переносилъ, но наконецъ, ужъ послѣ смерти Хадиджи и Абу-Талиба (619), увидѣлъ, что въ Меккѣ онъ ничего не подѣлаетъ, и завелъ сношенія (620) со старинными врагами мекканцевъ — яерибцами, которые пришли на ежегодное богомолье въ Каабу. Въ 622 г. въ Яерибъ сперва уѣхали всѣ мекканскіе мусульмане (около 150 человѣкъ), а за ними (вѣроятно, 20 сентября) убѣжалъ и самъ Мохаммедъ. Съ тѣхъ поръ Яерибъ называется Мединой („городомъ“, т.-е. городомъ пророка).

Въ Мединѣ Мохаммедъ встрѣтился со враждой еврейской части населенія. Онъ попытался сблизиться съ евреями, принимая нѣкоторые ихъ обряды и догматы и дѣлая Іерусалимъ кыблой *), но евреи рѣшительно отвергли его ученіе. Тогда пророкъ призналъ за главную святыню не Іерусалимъ, а Каабу. Послѣ этого являлась необходимость имѣть

---

*) Кыблой называется то мѣсто, къ которому человѣкъ обращаетъ лицо во время молитвы.

туда свободный доступъ,—приходилось начать войну съ корейшитами. Въ 624-мъ г. Мохаммедъ отрѣзалъ дорогу мекканскому каравану, шедшему изъ Сиріи домой подъ начальствомъ главы корейшитской аристократіи — Абу-Софьяна. Произошла битва при Бедрѣ, и Мохаммедъ одержалъ рѣшительную побѣду. Успѣхъ укрѣпилъ вѣру колеблющихся мединцевъ и поднялъ власть пророка въ городѣ. Онъ жестоко расправился съ нѣкоторыми изъ тѣхъ жителей, которые прежде насмѣхались надъ нимъ, послѣ чего изгналъ богатое племя евреевъ Бену-Кейнокъ изъ Медины, а имущество ихъ раздалъ правовѣрнымъ. Въ 625-мъ г. корейшиты выступили съ войскомъ въ 3,000 человѣкъ и, при горѣ Оходѣ, разбили Мохаммеда; виной была грабительская жадность его воиновъ. Положеніе пророка въ Мединѣ сильно поколебалось, однако ему удалось въ теченіе того же 625-го года изгнать изъ предмѣстievъ Медины еврейское племя Бену-Надиръ; имущество изгнанныхъ было роздано мусульманамъ. Въ 627-мъ г. войско въ 10,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Абу-Софьяна, состоящее изъ мекканцевъ, изгнанныхъ евреевъ (которые поселились въ Хейберѣ) и нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ, осадило Медину. Мохаммедъ, по совѣту одного перса, укрѣпилъ городъ окопами. Послѣднее еврейское племя, проживавшее въ Мединѣ, Бену-Корейза, перешло на сторону осаждавшихъ. Но Мохаммеду, при помощи подосланныхъ агентовъ, удалось посѣять въ арабахъ недовѣріе къ новымъ ихъ союзникамъ; въ лагерь осаждавшихъ начались раздоры, и арабы

покинули осаду. Съ оставшимися евреями пророкъ расправился жестоко: мужчины (числомъ 600—700) были перебиты, жены и дочери проданы въ рабство бедуинамъ Неджда, а имущество раздѣлено между правовѣрными. То изъ страха, то изъ жажды добычи, Мохаммеду стали подчиняться окрестныя бедуинскія племена; — онъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился совершить „хаджжъ“, т.-е. поклоненіе въ Мекку. Въ 628-мъ г. было заключено съ корейшитами при Ходейбии десятилѣтнее перемиріе, по которому мусульмане получали право приходить въ Мекку на три дня для хаджжа, свободные люди въ Меккѣ смѣли открыто принимать исламъ, а Мохаммедъ обязывался давать свободный пропускъ мекканскимъ караванамъ. Мохаммедъ очень скоро постарался нарушить миръ подъ первымъ попавшимся предлогомъ, внезапно подступилъ съ сильнымъ войскомъ къ Меккѣ, и въ январѣ 630-го г. городъ при помощи измѣны былъ взятъ. Идолы въ Каабѣ были уничтожены, но Черный камень остался нетронутымъ и былъ признанъ за святыню. Съ жителями Мохаммедъ обошелся чрезвычайно ласково, однако всѣ они принуждены были принять исламъ. Объ искренности, конечно, не могло быть тутъ и рѣчи, но жаловаться на исламъ мекканцамъ было нечего: Кааба осталась святынею, хаджжъ былъ признанъ религіозною обязанностью мусульманина, а всѣ остальныя языческія святыни Аравіи Мохаммедъ объявилъ подлежащими уничтоженію (что и было затѣмъ исполнено), и такимъ образомъ новая религія не только не отнимала перевѣса у Мекки, но,

напротивъ, безусловно укрѣпляла этотъ перевѣсъ за нею и давала Меккѣ гегемонію надъ всею Аравіей. Съ этихъ поръ мекканцы усердно помогаютъ пророку обращать въ исламъ прочія арабскія племена. Это обращеніе (вѣрнѣе, подчиненіе политическому господству Мохаммеда) совершалось уже легко и быстро: за исключеніемъ немногихъ, всѣ безъ сопротивленія дѣлались мусульманами. Самъ по себѣ, какъ религія, исламъ былъ для арабовъ вовсе не привлекателенъ: молитвы и чтеніе Корана казались несносными, а отдача десятины доходовъ — вопіющею несправедливостью; до взятія Мекки, пока Мохаммедъ не былъ силенъ, бедуины иногда убивали присылаемыхъ къ нимъ мусульманскихъ проповѣдниковъ. Однако теперь, послѣ покоренія Мекки, страхъ передъ Мохаммедомъ, выгоды отъ союза съ нимъ и надежда пограбить непокорныхъ заставляли бедуиновъ принимать навязываемый имъ исламъ. Какъ показываютъ позднѣйшія обстоятельства, арабы видѣли въ исламѣ явленіе временное, отъ котораго по смерти пророка можно будетъ и отдѣлаться; а пока-что принятіе ислама не требовало съ ихъ стороны большихъ жертвъ: мусульманскій Аллахъ Таала былъ извѣстенъ еще изъ языческой религіи, суевѣрія же можно было сохранить и въ исламѣ. Корыстолюбивыя побужденія неофитовъ самъ Мохаммедъ, очевидно, понималъ очень хорошо. Такъ, послѣ побѣды надъ Хавáзинами (вскорѣ послѣ взятія Мекки) онъ лучшую часть богатой добычи отдалъ мекканцамъ; мединцы роптали, мекканцы также считали себя обиженными, и раздраженіе

дошло до того, что съ самого пророка сорвали его собственный плащъ; въ успокоительной рѣчи къ мединцамъ Мохаммедъ высказалъ, что они вѣдь и такъ тверды въ вѣрѣ, а сердца мекканцевъ нужно привязывать къ вѣрѣ мірскими благами. Лѣтомъ 630-го г. Мохаммедъ снарядилъ войско въ 30,000 человѣкъ пѣхоты и 10,000 всадниковъ въ Сирію и самъ отправился съ ними. Но дѣло кончилось неудачей; воинамъ пророка тяжело было двигаться по знойной пустынѣ при жгучемъ вѣтрѣ, и они потребовали отступленія. Напрасно пророкъ увѣщевалъ ихъ, говоря, что огонь ада будетъ жечь сильнѣе, чѣмъ лѣтній зной, — увѣщанія не подѣйствовали на хищныхъ бедуиновъ: войско возвратилось домой съ полудороги. Между тѣмъ нѣсколько племенъ въ самой Аравіи отпало отъ ислама; Мохаммедъ, не заботясь объ этомъ, сталъ снаряжать новый походъ въ Сирію, хотъ самъ былъ въ это время тяжело боленъ. Онъ очевидно, понималъ, что внѣшнія войны и богатая добыча лучше всего могутъ внушить арабамъ симпатію къ исламу. Но не пришлось ему видѣть окончанія этого похода: 8-го іюня 632-го года Мохаммедъ умеръ въ Мединѣ, и теперь его могила—мѣсто поклоненія. *)

---

*) Подробнѣе объ исторіи Мохаммеда, объ источникахъ для его исторіи и о европейскихъ изслѣдованіяхъ см. мою статью „Мохаммедъ“ въ 39-мъ полутомѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауса и Эфрона.

Ученіе Мохаммеда содержится въ Коръанѣ (Коранѣ). Когда Мохаммедъ сообщалъ своимъ ученикамъ въ припадочномъ состояніи или послѣ сновидѣній ученіе Аллаха о религіи, волю Аллаха по поводу того или другого жизненнаго случая, политическое предписаніе, библейскій разсказъ и т. п., то ученики или старались твердо сохранить слова пророка въ памяти, или записывали ихъ на пальмовыхъ листьяхъ, камняхъ, пергаментѣ и т. п. Каждое откровеніе называлось или „сура“ (теперь это значитъ „глава“, но прежде значило „строка“), или „кор’ән“ (т.-е. „чтеніе“). Халифъ Османъ (644—654) велѣлъ Зейду ибнъ-Ѡабиту, бывшему письмоводителю Мохаммеда, собрать всѣ разрозненные отрывки Корана, установить одну окончательную редакцію, а всѣ прочія записи уничтожить. Въ этомъ видѣ Коранъ дошелъ до насъ. Въ немъ 114 главъ (суръ), каждый стихъ которыхъ называется „чудо“ („âят“). Расположены суры безъ малѣйшаго хронологическаго или предметнаго порядка, просто по длинѣ: самая длинная — впереди, самая короткая — въ концѣ. Отъ такого хаотическаго безпорядка читать Коранъ бываетъ очень утомительно, а толковать его можно въ нѣкоторыхъ пунктахъ на разные лады *).

Суть ислама выражается формулой: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Мохаммедъ — посланникъ Божій“.

---

*) Объ исторіи Корана, хронологическомъ распредѣленіи суръ, эстетическомъ и грамматическомъ его значеніи, о комментаріяхъ, изданіяхъ и переводахъ—см. мою статью „Коранъ“ въ 31-мъ полутомѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауса и Эфрона.

Богъ (Аллахъ), по Корану, одинъ, вѣченъ, „не ро-
дилъ и не рожденъ, и не было у него равнаго ему
товарища“ (намекъ противъ троичности). Онъ все
знаетъ заранѣе, онъ грозенъ въ своемъ гнѣвѣ, онъ
наказываетъ и награждаетъ по своему произволу;
человѣкъ долженъ подчиниться ему съ рабскою
покорностью, но и тогда нельзя быть увѣрену въ
его милости. Отсюда нетрудно вывести ученіе о
предопредѣленіи и объ отсутствіи свободной воли
у человѣка; пунктъ этотъ долго подавалъ поводъ
къ спорамъ между мусульманами, но въ настоящее
время рѣшенъ въ пользу предопредѣленія. Откры-
ваетъ себя Богъ людямъ черезъ пророковъ: таковы
Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ и наконецъ
послѣдній, „печать пророковъ“ — Мохаммедъ. Въ
числѣ ихъ Іисусъ — очень великій пророкъ; онъ,
правда, не сынъ Божій, но рожденъ безъ перво-
роднаго грѣха, и мать его осталась приснодѣвою
(„батуль“); онъ имѣлъ даръ чудесъ, чего у самого
Мохаммеда не было; распятъ былъ не онъ, а подо-
біе его. У Аллаха есть слуги — ангелы, изъ кото-
рыхъ важнѣйшій — Гавріилъ, по прозвищу „святой
духъ“. Враги ангеловъ и людей — демоны; ихъ
глава — иблисъ (греч. *διάβολος*), иначе — шейтанъ
(сатана).

Главныхъ обязанностей мусульманина четыре:
пятикратная молитва въ день, постъ въ мѣсяцѣ
Рамаданъ, отдача десятины („зекятъ“) и пилигрим-
ство въ Мекку („хаджжъ“). Молитва состоитъ изъ
чтенія какихъ-нибудь наудачу взятыхъ отрывковъ
Корана, непременно на арабскомъ языкѣ (хотя бы

молящійся не зналъ этого языка), въ сопровожденіи извѣстныхъ установленныхъ тѣлодвиженій („рикъ-атовъ“, т.-е. поклоновъ, колѣнопреклоненій, качаній головы, плеваній въ сторону). Передъ молитвой совершается омовеніе. Въ пятницу — большая молитва, но работать послѣ молитвы позволительно *). Постъ длится мѣсяць, но обязательенъ только днемъ, а не ночью. Десятина доходовъ поступаетъ въ казну, идетъ на общественныя цѣли и считается милостыней; но и помимо того рекомендуется милостыня въ нашемъ смыслѣ слова. Хаджжъ (произносятъ и „хажжъ“) долженъ быть совершенъ хоть разъ въ жизни. Церемоніи и обряды его — прежніе языческіе, но получили новое, мусульманское истолкованіе. Изъ многочисленныхъ церемоній хаджа самыя существенныя — три: закланіе жертвы, „та-ваѣф“, т.-е. семикратное обхожденіе вокругъ Каабы, и лобызаніе Чернаго камня. Молитва, постъ, зекятъ и хажжъ называются четырьмя столпами ислама.

Кромѣ четырехъ столповъ ислама, мусульманинъ находитъ въ Коранѣ и другія обязанности: положительныя и отрицательныя (повелѣнія Аллаха и запрещенія). Восхваляется доброта и снисхожденіе, напр., къ бѣднымъ должникамъ, вдовамъ, сиротамъ и т. п.; нарушеніемъ доброты не считается рабовладѣльчество и месть. За вѣру слѣдуетъ сражаться („жихад“, „газават“). Должна ли быть священная

---

*) Гдѣ много купцовъ-христіанъ, какъ, напр., въ Бейрутѣ тамъ мусульмане въ сущности празднуютъ воскресенье: въ этотъ день многія ихъ лавки закрыты, а въ пятницу открыты.

война только оборонительною или же и наступательною, а также долженъ ли мусульманинъ насильно обращать всѣхъ въ исламъ,—этотъ вопросъ очень неясно изложенъ въ Коранѣ. Прямого повелѣнія, чтобы мусульмане нападали первыми, въ Коранѣ нѣтъ, и потому въ прежнія времена многіе мусульманскіе богословы придерживались мнѣнія, что священная война предписана только какъ оборонительная. Даже въ наше время петербургскій мулла-ахунъ Баязидовъ печатно (въ „Недѣлѣ“) *) высказался въ такомъ же смыслѣ, но онъ составляетъ теперь ужъ исключеніе: крестовые походы и послѣдующія обстоятельства выработали у мусульманъ фанатизмъ, и современные катехизисы ислама придерживаются мнѣнія Абу-Ханифы, что мусульманинъ, въ случаѣ возможности, обязанъ вести войну наступательную, — избіеніе невѣрныхъ есть дѣло богоугодное **). Насильственное обращеніе невѣрныхъ въ исламъ также теперь считается богоугоднымъ дѣломъ, при чемъ подъ невѣрными разумѣются не только язычники (такъ понималъ Мохаммедъ), но и христіане, и іудеи. Запрещено прелюбодѣянiе, но блудъ вообще, собственно, не за-

---

*) 1896 г., а въ 1887 г. въ книгѣ: „Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ“.

**) Отъ мусульманъ это мнѣніе перешло и къ восточнымъ христіанамъ; на Ливанѣ мнѣ съ гордостью показывали нѣсколькихъ христіанъ, поставившихъ цѣлью своей жизни убивать перваго встрѣчнаго мусульманина, и говорили, что эти люди „бийжѣхду аля д-динъ“, т.-е. „ревнуютъ о вѣрѣ“. Этотъ подвигъ (истребленіе мусульманъ) называется такъ же, какъ у мусульманъ священная война: „жихадъ“.

прещень, такъ какъ дозволено имѣть четыре жены законныхъ и сколько угодно невольницъ; кромѣ того, съ законною женою можно безъ всякой причины въ любую минуту развестись *) и взять вмѣсто нея новую. Предписано обрѣзание. Азартныя игры и вино запрещены, равно какъ и свинина. Послѣднее запрещеніе относится собственно къ области не нравственности, а гигиены, но въ Коранѣ и нравственность, и политика, и гигиена — все выступаетъ вмѣстѣ, нераздѣльно, какъ религіозныя обязанности. Также на ряду съ религіозными предписаніями въ Коранѣ помѣщенъ рядъ такихъ чисто практическихъ повелѣній и запрещеній, которыя регулируютъ повседневную жизнь человѣка, въ семьѣ и внѣ дома, отношенія членовъ семьи между собою, отношенія членовъ общества другъ къ другу въ юридическихъ вопросахъ (напр., въ судѣ, дѣлѣжѣ имущества и т. п.); изъ всего этого составила мусульманская юриспруденція („фыкх“), нераздѣльная съ богословіемъ.

Кто не нарушилъ предписаній Корана, тотъ по смерти пойдетъ въ рай. Умершій поступаетъ прежде всего къ двумъ ангеламъ, которые дѣлаютъ ему допросъ, взвѣшиваютъ его поступки на огромныхъ вѣсахъ, потомъ проводятъ по тонкому, какъ волосокъ, мосту Сыратъ. Грѣшники обрываются и падаютъ въ адъ, который простирается на семь этажей въ глубину; самая слабая адская кара — огнен-

---

*) Достаточно сказать: „ты разведена“, — и никакихъ другихъ формальностей не требуется.

ные башмаки. Праведники же проходят по мосту въ рай. Рай — роскошный садъ, полный превосходныхъ плодовыхъ деревьевъ. Вездѣ въ немъ медовыя рѣчки, фонтаны, дворцы изъ драгоценныхъ камней. Въ дворцахъ идутъ непрерывныя пиршества, подаются жареныя птицы и другія вкусныя кушанья. Но главная приманка рая — хуріи. Одна религіозная (тюркская) поэма „Мухаммедіе“, собравшая въ себѣ всѣ данныя, которыя разбросаны по Корану, говоритъ такъ (переводъ проф. Смирнова):

Что до мѣста, то райскія будутъ жилища.
И раздолье жъ тамъ будетъ насчетъ всякой пищи!
А въ любовницы будутъ даны все лишь хури,
Кои блещутъ сіяньемъ чистѣйшей лазури.
Говорятъ: „Коль онѣ свѣтотворныя созданья,
Какъ возможны имъ будутъ объятія, лобзанья?“
Но на этотъ вопросъ намъ готовъ ужъ отвѣтъ:
Ихъ субстанція есть осязательный свѣтъ,
Такъ что можно отъ нихъ наслажденіе вкушать,
Цѣловать, обнимать, душу нѣгой питать...
И не портятъ рожденіемъ дѣтей своихъ тѣлъ;
Чувство ревности вовсе не есть ихъ удѣлъ;
Вновь становятся дѣвами каждую ночь, —
Этой сладости мыслямъ постигнуть не въ мочь!
По пяти сотенъ хурій всѣмъ будетъ дано...

Были попытки мусульманскихъ богослововъ объяснить все это аллегорически, но теперь такое толкованіе отвергнуто, и оффиціальныя катехизисы (напр., Биркеви-Биргели, принятый въ турецкихъ школахъ) прямо запрещаютъ сомнѣваться въ подлинности всѣхъ райскихъ угощеній и наслажденій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Краткій очеркъ исторіи ислама.

Съ извѣстіемъ о смерти Мохаммеда (632) почти вся Аравія сразу отпала отъ ислама. Абу-Бекръ, который былъ избранъ въ Мединѣ халифомъ (т.-е. „преемникомъ“), съумѣлъ при помощи вѣрующихъ мединцевъ и невѣрующихъ, но понимающихъ свою выгоду мекканцевъ возвратить арабовъ назадъ къ исламу; для этого ему приходилось безпощадно избивать всѣхъ непокорныхъ, иногда даже по 10,000 человѣкъ. Немедленно же по усмирении возстанія арабовъ Абу-Бекръ повелъ ихъ на войну противъ владѣній византійскихъ и персидскихъ: слабость Византіи и Персіи не была для арабовъ тайной, побѣда надъ ними не представлялась невозможною, а завоеванія, военная слава и богатая добыча должны были привязать хищническихъ сыновъ пустыни къ исламу. Омаръ (634—644) успѣшно продолжалъ завоеванія, и такимъ образомъ подъ конецъ своей жизни онъ, кромѣ самой Аравіи, повелѣвалъ въ Азіи Сиріей, Месопотаміей, Вавилоніей и западною половиною Персіи, а въ Африкѣ—

Египтомъ, Баркой и Триполи. При Османѣ (644—654) завоевана восточная Персія до Оксуса, о. Кипръ, область Кареагена. Междоусобія среди арабовъ произвели было перерывъ въ завоеваніяхъ, и нѣкоторыя пограничныя области отпали. Но при первомъ Омейядѣ Моавіи (661 — 680) арабы перешли за Оксусъ въ Туркестанъ, до Пейкенда, Бухары и Самарканда, и въ Индіи дошли до Пятирѣчья; ими громилась Малая Азія, они близко подступали даже къ Константинополю, въ Африкѣ опять дошли до Алжира. Вспыхнувшая вторая междоусобная война позволила нѣкоторымъ пограничнымъ областямъ вновь отпасть, но по усмирении междоусобій (съ 693 г.) при халифѣ Абдолѣ - Меликѣ и его сынѣ Валидѣ (705—715) арабы одерживаютъ почти невѣроятные успѣхи въ Афганистанѣ, сѣверной Индіи и Туркестанѣ — на востокѣ, Арменіи, Кавказѣ и Малой Азіи — въ центрѣ, западной Африкѣ (до океана), Испаніи и южной Франціи — на западѣ. Только энергія Льва Исаврійскаго, храбро отразившаго арабовъ отъ Константинополя и Малой Азіи (717—718), и Карла Мартелла, положившаго предѣлъ успѣхамъ арабовъ во Франціи (732), спасла Европу отъ мусульманскаго завоеванія.

Что содѣйствовало побѣдамъ арабовъ? Безусловно не религіозный фанатизмъ *), такъ какъ его не было. Фанатизмъ могъ быть у такихъ людей, какъ Абу-

---

*) У насъ въ Россіи, по незнанію восточной исторіи, принято какъ разъ сваливать все на фанатизмъ: о старыхъ арабахъ судятъ по нынѣшнимъ туркамъ. Рассказавши о томъ,

Бекрѣ, еще болѣе Омарѣ, также у прочихъ мохаджировъ *), у мединцевъ и еще кой у кого. Но общая масса завоевателей, какъ мы уже видѣли, не питала симпатіи къ исламу и не знала ни Корана, ни его предписаній. Послѣ Кадисійской побѣды (637), которая отдала Персію въ руки арабамъ, оказалось, что при раздѣлѣ добычи остался еще большой излишекъ. Халифъ Омаръ написалъ полководцу раздѣлить этотъ излишекъ между тѣми воинами, которые знаютъ на память наиболѣе длинные отрывки изъ Корана. Полководецъ созвалъ храбрецовъ, которые больше всѣхъ содѣйствовали побѣдѣ, и спросилъ знатнаго Амра ибнъ-Мади-кариба, чтó онъ знаетъ. — „Ничего“, отвѣчалъ тотъ: „я принялъ исламъ въ Йеменѣ и слишкомъ много воевалъ, чтобъ еще заниматься Кораномъ!“ — „Ну а ты?“ спросилъ полководецъ у Бишра Таифскаго. — „Я знаю больше, чѣмъ Амръ, я знаю: во имя Бога милосерднаго“. Но кромѣ этихъ словъ и онъ ничего больше не зналъ. Побѣдителямъ-арабамъ, поселив-

---

какъ арабы съ фанатическимъ крикомъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога“ совершили свои завоеванія, наши составители учебниковъ прибавляютъ: „затѣмъ фанатизмъ арабовъ быстро остылъ, они призвали христіанъ къ государственнымъ должностямъ, занялись науками, философіей“ и т. д. Это быстрое охлажденіе фанатизма является такимъ образомъ просто чудомъ. А то обстоятельство, что славнѣйшія завоеванія совершены наиболѣе терпимыми халифами Омейядами, совершенно у насъ игнорируется.

*) Мохаджирами называются мекканцы, бѣжавшіе съ Мохаммедомъ въ Медину въ 622-мъ г. Слово „мохаджиръ“ значить „участникъ бѣгства“ (хиджры).

шимся въ Африкѣ, даже вѣкъ спустя не было еще извѣстно, что Коранъ запрещаетъ пить вино. Изъ халифовъ только первые четыре были преданы исламу. Халифы же Омейядскіе были или крайне безразличными, или прямо невѣрующими. Что при ихъ дворѣ въ Дамаскѣ было много христіанъ, занимавшихъ важныя должности въ управленіи, это мелочь въ сравненіи съ другими фактами. Когда Йезидъ I (680—683) воевалъ съ истинными правовѣрными, укрѣпившимися подъ начальствомъ Абдаллаха ибнъ-Зобейра въ Мединѣ, и когда городъ наконецъ былъ взятъ, полководецъ халифа Мбслимъ произвелъ, согласно приказанію халифа, трехдневную жестокую рѣзню среди старыхъ сподвижниковъ пророка, а лошадей своихъ воины Йезида привязали въ мечети у гроба Мохаммеда (683). Затѣмъ полководцемъ Хосейномъ была осаждена подчинившаяся ибнъ-Зобейру Мекка; въ Каабу пускались изъ баллистъ огромныя глыбы камней, удалось даже поджечь ее, и Черный камень („десница Бога на земли“) раскололся отъ огня на четыре части. Смерть Йезида и начавшіяся междоусобія пріостановили осаду Мекки, но при халифѣ Абдолъ-Меликѣ (томъ самомъ, который совершилъ такія блистательныя внѣшнія завоеванія) Мекку, по его приказанія, осадилъ полководецъ Хажжѣжъ. Онъ также занялся метаніемъ камней въ Каабу. Однажды среди осады молнія убила двѣнадцать человѣкъ и всѣхъ перепугала. Хажжѣжъ подвернулъ свое платье, самъ поставилъ камень на метательномъ приборѣ и привелъ его въ движеніе, говоря: „Пустяки! я родился въ этой

странѣ, знаю ее и знаю, что грозы тутъ очень часты“ (692). Изъ другихъ Омейядскихъ халифовъ Валидъ II (743—744) дошелъ уже до того, что на общественную молитву посылалъ вмѣсто себя какую-нибудь изъ своихъ наложницъ, а Кораномъ пользовался какъ цѣлью для стрѣльбы. Прочіе Омейяды (за исключеніемъ одного) не только сами никогда не соблюдали постановленій ислама, но даже старались ставить серіозныя препятствія обращенію покоренныхъ народовъ въ исламъ, потому что, по закону, мусульманинъ ужъ не долженъ платить тѣхъ податей, доходныхъ для казны, какія платятся не-мусульманами; особенно удачную преграду распространенію ислама положилъ законъ 700-го г., изданный при Абдоль - Меликѣ, знаменитомъ распространителѣ арабскихъ предѣловъ. Въ виду такихъ и тысячи подобныхъ фактовъ можно ли говорить, что причиной военныхъ успѣховъ арабовъ былъ религіозный фанатизмъ? Нѣтъ, причиной побѣдъ были съ одной стороны грабительская жажда добычи, вызывавшая обычную арабскую храбрость, и строгая дисциплина, выработанная Мохаммедомъ, а съ другой стороны—внутренняя слабость Персіи и Византіи, прекрасно извѣстная арабамъ. Въ Персіи шли съ конца VI в. неурядицы, междоусобія, вассалы становились независимыми и не слушались хосроя, и сверхъ того зороастрійское духовенство воздвигало безпощадныя гоненія противъ многочисленныхъ еретиковъ. Въ Византіи, какъ ни истощена она была войнами съ Персіей, порядка было больше, но въ ея провинціяхъ—Египтѣ, Сиріи и Месопотаміи—жители стра-

дали отъ неумѣренныхъ податей, отъ греческой національной заносчивости и отъ греческой религіозной нетерпимости: населеніе тамъ было еретическое. Поэтому въ тѣхъ странахъ никто и усилія не сдѣлалъ, чтобы противодѣйствовать арабамъ; больше того: изъ ненависти къ грекамъ населеніе само призывало арабовъ и помогало имъ. (Наоборотъ, Малая Азія, населенная настоящими греками и сама боровшаяся противъ арабовъ, никогда не была завоевана ими надолго, и подъ стѣнами Константинополя арабы нѣсколько разъ потерпѣли неудачу).

Побѣжденные народы массами обращались въ исламъ. Уплачивая поземельную и поголовную подать, они могли бы спокойно сохранять свою старую религію: законъ Мохаммеда вооружался только противъ язычниковъ - многобожниковъ, а христіане, евреи и зороастрійцы были терпимы. И все же они сами переходили въ исламъ. Главнымъ побужденіемъ были матеріальныя выгоды отступничества. Новообратившійся, пока Омейяды не спохватились, не платилъ податей; наоборотъ, по закону Омара, онъ пользовался отъ правительства годовымъ окладомъ. Онъ избавлялся отъ презрительнаго отношенія къ нему, введеннаго законами Омара, и уравнивался сколько - нибудь съ побѣдителями. Ему дѣлались доступны государственныя должности, къ которымъ варвары - арабы были сперва неспособны; особенно онъ годился для доходной должности податного надзирателя, требовавшей знанія мѣстнаго языка и мѣстныхъ отношеній. Впро-

чемъ, обращаться въ исламъ побѣжденные могли и по внутреннему убѣжденію. Исламъ во многихъ пунктахъ былъ близокъ и къ парсизму *) и къ христіанству **), а блистательныя, почти чудесныя побѣды арабовъ прямо говорили всѣмъ въ пользу истинности ихъ вѣры; разъ исламъ торжествуетъ надъ христіанствомъ, это значитъ, что ему самъ Богъ помогаетъ, что онъ—вѣра правая. Обращеніе персовъ въ исламъ было для него чрезвычайно важно и полезно: вмѣсто индифферентныхъ арабовъ исламъ во многихъ персахъ пріобрѣталъ людей вѣры, а такъ какъ это были люди образованные, то они стали основателями мусульманскаго богословія и соединенной съ нимъ юриспруденціи. Но съ другой стороны были и невыгоды отъ обращенія персовъ: они, отчасти безсознательно, отчасти даже сознательно, внесли въ исламъ также немало духа, чуждаго идеямъ самого Мохаммеда; особенно это сдѣлалось тогда, когда были свергнуты Омейяды (остатки ихъ убѣждали въ Испанію) и вмѣсто ихъ воцарилась въ халифатѣ персофильская династія Аббасидовъ (съ 750 г.), давшая перевѣсъ въ государствѣ персамъ.

Вѣкъ первыхъ Аббасидовъ (до Мотаваккиля) ознаменовался высокимъ разцвѣтомъ культуры араб-

---

*) Борьбу Ормузда и Агримана новообращенный персъ видѣлъ въ отношеніяхъ мусульманскаго Аллаха и Иблиса. У еретиковъ персидскихъ было еще больше пунктовъ, общихъ съ исламомъ.

**) Извѣстно, что Европа долгое время видѣла въ мусульманствѣ простую ересь христіанства.

ской (вѣрнѣе сказать, общемусульманской, а еще вѣрнѣе—персидско-мусульманской), разцвѣтомъ торговли, разцвѣтомъ искусства и науки. Что касается культуры, то это были больше всего остатки культуры староперсидской, сасанидской (которая, какъ извѣстно, восприняла также многое изъ Индіи и Ассиріи). По правдѣ, нельзя сказать, чтобы она при мусульманахъ поднялась качественно: архитектурныя постройки иранско-мусульманскія стоятъ ниже старопарсійскихъ, равнымъ образомъ мусульманскія издѣлія изъ шелку и шерсти, домашняя утварь и украшенія, несмотря на свою прелесть, уступаютъ издѣліямъ стариннымъ; но за-то въ мусульманскій періодъ усилился спросъ на предметы иранскаго производства, увеличилось количество потребителей. Характеръ мусульманско-иранской промышленности — удовлетвореніе не практическихъ потребностей, а роскоши; главные предметы производства — шелковыя ткани (кисея-муслинъ, атласъ, муаръ, парча), оружіе (сабли, кинжалы, кольчуги), вышивки на холстѣ и кожѣ, работы позументныя, ковры, шали, чеканенная, гравированная, рѣзная слоновая кость и металлы, работы мозаичныя, издѣлія фаянсовыя и стекольныя и — практическія — матеріи бумажныя, суконныя и изъ верблюжьей шерсти. Современный европеецъ съ изумленіемъ останавливается передъ картиной этой блестящей эпохи, а мусульмане и теперь съ гордостью указываютъ на то время, какъ на время ихъ всемірной сказочной славы, при чемъ (далеко несправедливо) приурочиваютъ все хорошее къ царствованію и лич-

ности халифа Харун-ар-рашида (786 — 809). Въкъ первыхъ Аббасидовъ извѣстенъ также, какъ періодъ высшаго напряженія религіозной мысли ислама, какъ періодъ сильнаго сектантскаго движенія: персы взяли въ свои руки мусульманское богословіе и возбудили оживленную догматическую борьбу, среди которой постепенно опредѣлилось четыре правовѣрныхъ толка и множество еретическихъ сектъ *). Образование не одного, а цѣлыхъ четырехъ правовѣрныхъ толковъ находится въ связи съ обработкой преданій (сонны, хадисовъ **). Коранъ оказался недостаточенъ для рѣшенія многихъ вопросовъ жизни, особенно юридическихъ,—приходилось спрашивать у преданія: чтò говорилъ по данному вопросу Мохаммедъ? Преданій циркулировало множество, но большинство ихъ были поддѣльныя; такъ, извѣстнѣйшій собиратель хадисовъ Бохарій (ум. 870 г.) говорить, что онъ слышалъ до 600,000 преданій, но рѣшился признать подлинными едва 7,275. Различныя системы, положенныя въ основаніе юридической обработки и истолкованія хадисовъ, и были причиною, что вышло цѣлыхъ четыре правовѣрныхъ школы „улемовъ“ (ханифиты, шафїиты, маликиты, ханбалиты). Передъ Кораномъ онѣ всѣ благоговѣйно преклоняются, считаютъ его за высшую мудрость, считаютъ его „несотвореннымъ“ (предвѣчнымъ), стоятъ за рабски-буквальное пониманіе его, хотя бы пришлось въ силу выраженія „Богъ слы-

---

*) Секты намѣтились еще при Омейядахъ, но при Аббасидахъ развились.

**) Точнѣе: „хадисовъ“. Звукъ „ѳ“=англ. th.

шить“, „Богъ сидитъ на престолѣ“ приписать Богу члены человѣческаго тѣла. Разногласіе между ними собственно въ юриспруденціи. Всѣ четыре школы даютъ намъ замѣчательные образчики ухищреній, безсознательно извращающихъ Коранъ примѣнительно къ потребностямъ цивилизованной жизни; наиболѣе прогрессивною является школа Абу-Ханифы, затѣмъ школа Шафііа; Маликъ консервативенъ и преданъ буквѣ закона, ибнъ-Ханбаль грубъ и пуритански-нетерпимъ, а въ воззрѣніяхъ на Бога доходитъ до антропоморфизма. Число неправовѣрныхъ сектъ мусульмане отмѣчаютъ мистическою цифрою 73, но важнѣе всѣхъ—хариджиты, шіиты и мо'тазилиты. Первые двѣ были не только сектами, но и политическими партіями. Хариджитская секта—демократическая, изъ людей простого класса, находившая, что безъ халифа можно бы и вовсе обойтись, а ужъ если надо имѣть его, то не по праву наслѣдства, а по выбору, не стѣсняясь никакими классовыми и сословными перегородками. Хариджиты долго боролись съ оружіемъ въ рукахъ какъ противъ Омейядовъ, такъ и противъ Аббасидовъ, и разоряли халифатъ въ разныхъ мѣстахъ, но больше всего Месопотамію. Шіитами назывались сторонники дома Алія (зятя Мохаммеда, мужа его дочери Фатымы), отвергавшіе авторитетъ первыхъ трехъ халифовъ и тѣхъ преданій, которыя ихъ окружаютъ *). Такъ какъ Алиды, обиженные

---

*) Преданіе называется по-арабски „сони“ (иначе „хадисъ“), и потому правовѣрные школы, которыя признаютъ

Омейядами и Аббасидами въ своихъ правахъ, являлись элементомъ, протестующимъ противъ правительства, то къ числу ихъ сторонниковъ примкнули персы, также ненавидѣвшіе правительство, хотя по причинѣ иной: за то, что оно было арабское. Такимъ образомъ, оказалось, что секта шіитовъ составила преимущественно изъ персовъ, которые, держась законныхъ наслѣдниковъ пророка, являлись по внѣшности болѣе правовѣрными, чѣмъ сами арабы. Но только по внѣшности. Секта распадалась на множество толковъ, изъ которыхъ иные едва заслуживали права считаться мусульманскими: до того въ нихъ процвѣтали старинныя зороастрійскія, Манесовы, Бардесановы, буддійскія и др. идеи. Подъ вліяніемъ индо-персидскаго шіитства мусульманскій аскетизмъ (суфизмъ) обратился въ пантеистическую теософію, также не исламскую по духу, и затѣмъ производилъ большое вліяніе на весь исламъ *). Мотазилиты были сторонниками ученія о свободной волѣ человѣка, отрицаемой правовѣрными толками, и исповѣдывали догматъ о „сотворенности Корана“, — догматъ, по которому не все въ Коранѣ есть

авторитетъ многочисленныхъ преданій и установленій, соединенныхъ съ именами первыхъ трехъ халифовъ, называются „соннитами“ (сюннитами, суннитами). Но это не значитъ, что у шіитовъ нѣтъ никакихъ преданій: наоборотъ, есть очень много, только ихъ преданія приписываются Алію. Сборникъ „Хейт-оль-колюбъ“ (изданъ въ Техранѣ въ 1864—1871 г.) заключаетъ въ себѣ три тома.

*) Объ этомъ см. мой „Очеркъ развитія суфійства до конца 3-го вѣка гижры“ (М. 1895, оттискъ изъ „Восточныхъ Древностей“, изд. Импер. Археологич. Общ.).

непреложная истина. Въ силу своего широкаго взгляда на религію они, познакомившись съ греческою философіей, занялись ею съ увлеченіемъ. Халифы Ма'мунъ (813—833), Мотасимъ (833—842) и Басикъ (точнѣе Баѣикъ, 842—847) возвели мотазиллизмъ въ степень государственнаго вѣроисповѣданія. Тогда занятія философіей и вообще греческою наукой получили въ халифатѣ сильнѣйшее распространеніе и процвѣтаніе, и мотазиллизмъ вводился халифами вездѣ насильно. Исповѣдники четырехъ правовѣрныхъ толковъ, въ томъ числѣ даже ихъ основатели, святые имамы, терпѣли отъ правительства гоненіе за „антропоморфизмъ“, „многобожіе“ и т. п.; еще при Мансурѣ (754—775) былъ высѣченъ и покалѣченъ Маликъ, при Мотасимѣ — высѣченъ ибнъ-Ханбаль.

Со вступленіемъ на престолъ Мотаваккиля (847) кончается господство вольныхъ идей въ халифатѣ, и начинается новый періодъ: торжество правовѣрія и преслѣдованіе ересей, иновѣрства (христіанства, еврейства и т. п.), философіи, точныхъ и естественныхъ наукъ. Причина поворота заключалась въ томъ, что власть халифовъ, вслѣдствіе возстаній и политическаго сепаратизма персовъ и вслѣдствіе своеволія тюрковъ - преторіанцевъ, начала падать; тогда халифы (именно первый изъ нихъ Мотаваккиль) поняли, что теперь имъ прямой расчетъ — искать поддержки въ правовѣрномъ духовенствѣ, а не ссориться съ нимъ. Въ угоду-то ему пришлось халифамъ бросить вольнодумство и взяться за ревностное преслѣдованіе всего явно неправовѣрнаго

(какъ философія) и просто сомнительнаго (въ томъ числѣ небогословскихъ научныхъ занятій). Чтобы изученіе наукъ, хотя бы и естественныхъ, находилось въ прямомъ противорѣчій съ принципами ислама, этого сказать нельзя: по крайней мѣрѣ Коранъ ничего подобнаго не запрещаетъ; но духовенству, которое въ „несотворенномъ“ Коранѣ видѣло квинтэссенцію всякаго знанія и энциклопедію всѣхъ наукъ, всякія иныя науки казались излишними, предосудительными и достойными преслѣдованія. Между прочимъ, математика, по выраженію одного остроумнаго богослова *), вредна тѣмъ, что приучаетъ человѣка полагаться только на доказательства и разумъ и этимъ подрываетъ вѣру. Итакъ, правовѣріе восторжествовало въ халифатѣ. А все-таки власть халифовъ продолжала падать. На востокѣ, т.-е. въ Персіи, образовались самостоятельныя династіи (Саффариды, Саманиды, потомъ Газневиды), и Персія ускользнула изъ рукъ халифовъ. Шіитская секта исмаилитовъ, очень хитро реформированная Абдаллахомъ ибнъ-Меймуномъ (ок. 864 г.) для тайной, коварной борьбы съ исламомъ, также сдѣлалась могущественною политическою силою, особенно ея вѣтвь—Карматы. Когда въ 890-мъ г. карматами была построена въ Иракѣ сильная крѣпость Дар-оль-хиджа, съ тѣхъ поръ „всѣ боялись исмаилитовъ, а они никого“, по выраженію арабскаго историка Новейрія. Въ 909-мъ г. карматамъ уда-

---

*) Газзали (XI в.), который поочередно перебивалъ во всѣхъ сектахъ и подъ конецъ сдѣлался врагомъ вольнодумцевъ.

лось основать въ сѣверной Африкѣ династію т. н. Фатимидовъ; она вскорѣ отняла у Аббасидовъ Египетъ, гдѣ и воцарилась. Въ Азіи между тѣмъ глава карматовъ Абу-Тáхиръ былъ настоящимъ хозяиномъ Ирака, Аравіи и Сиріи; онъ завелъ правильный грабежъ паломническихъ каравановъ съ цѣлью прекратить хаджжъ. Въ 930-мъ г. самая Мекка была разграблена карматами, и Черный камень увезенъ; лишь черезъ 20 лѣтъ они, съ разрѣшенія фатимидскаго (египетскаго) халифа, возвратили святыню мусульманамъ за огромный выкупъ. Аббасидскій халифъ былъ уже игрушкой въ рукахъ своихъ турецкихъ военачальниковъ и месопотамскихъ эмировъ, когда по сосѣдству, въ западной Персіи, выдвинулась шиитская и при томъ вольнодумная династія Буидовъ. Въ 945 году Буиды овладѣли Багдадомъ. Хотя изъ политическихъ расчетовъ, для противовѣса Фатимидамъ, эти шиитскіе султаны называли себя вассалами халифата, но въ сущности они обращались съ халифами, какъ съ плѣнниками, съ совершеннымъ неуваженіемъ и презрѣніемъ. Аббасидскій халифъ превратился въ обыкновеннаго первосвященника, безъ свѣтской власти и часто даже безъ достаточныхъ средствъ къ жизни. Столѣтнее господство Буидовъ и успѣхи шиизма въ Багдадѣ силой реакціи приковали халифовъ къ строжайшему правовѣрію. Исмаилизмъ въ 1-й четверти XI в. выдѣлилъ изъ себя новую враждебную исламу вѣтвь — друзовъ, а въ концѣ того же вѣка другую вѣтвь — знаменитыхъ хашшашиновъ (ассасиновъ), которые изъ своихъ крѣпостей при Каспійскомъ морѣ и на

Ливанѣ держали весь исламъ полторасти лѣтъ въ напряженномъ страхѣ. Но еще до появленія ассасиновъ всю мусульманскую Азію поразило страшное несчастіе въ лицѣ турокъ - сельджуковъ, которые съ 1036-го года приступили къ своимъ опустошительнымъ завоеваніямъ и нанесли первый смертельный ударъ азіатско-мусульманской цивилизаціи. Въ 1055-мъ г. вождь сельджуковъ Тогруль-бекъ въѣхалъ въ Багдадъ и освободилъ халифа отъ власти еретиковъ - Буидовъ, но вмѣсто нихъ самъ сдѣлался султаномъ; халифъ не потерялъ своего титула, однако остался почти исключительно духовнымъ главой, въ свѣтской власти онъ былъ возстановленъ очень мало, и его собственные интересы гораздо болѣе даже, чѣмъ прежде, заставляли его заботиться о поднятіи фанатической религіозности въ земляхъ ислама и объ искорененіи свободомыслія. Сельджуки охотно пришли ему на помощь въ этомъ стремленіи: тупая натура турокъ, не любящая разсужденій, обратила всѣ свои симпатіи на сторону исламскаго правовѣрія и прониклась враждой ко всякому проявленію самостоятельнаго мышленія. Турецкій деспотизмъ также не могъ содѣйствовать развитію свободной мысли; бѣдствія страны тоже дѣйствовали угнетающимъ образомъ на духъ человѣка. Сельджуки расположились такъ, что отгородили Азію отъ Европы враждебною стѣной и воспрепятствовали мирному обмѣну мыслей мусульманскихъ и христіанскихъ народовъ. Наступившіе крестовые походы вызвали ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ, ненависть ко вторгнувшимся гя-

урамъ и ту исламскую нетерпимость, которою мусульманство продолжаетъ отличаться и теперь.

Презирая и ненавидя гяуровъ, исламскій міръ до тѣхъ поръ могъ еще славиться своимъ культурнымъ превосходствомъ надъ ними: хотя отъ нашествія сельджуковъ и отъ послѣдовавшихъ двухвѣковыхъ тюркскихъ междоусобій азіатско-мусульманская культура и образованность сильно ужъ понизилась, однако невѣжественная, варварская Европа стояла въ этомъ отношеніи ниже. Но вторглись монгольскія полчища Джингизъ-хана и его потомковъ (XIII в.) и — затѣмъ — Тимура (XIV в.). Мусульманская Азія была обращена въ пустыню и жители въ нищихъ; образованные классы были перебиты, а такъ какъ наука была у мусульманъ на арабскомъ языкѣ, чуждомъ для массы, то она съ тѣхъ поръ погибла на востокѣ; матеріальная культура также пала, такъ какъ фабрики были разорены и искусные рабочіе избиты, и ужъ больше не показала себя способною воскреснуть въ прежнемъ блескѣ *). Несчастія подняли въ людяхъ потребность вѣровать, но религіозная мысль естественно приняла пессимистическій характеръ. Поэтому періодъ и сельджукскаго, и монгольскаго лихолѣтя оказался періодомъ высшаго вліянія суфійской доктрины, особенно въ Персіи, на которую палъ сильнѣйшій ударъ. Идеи суфизма стали такъ

---

*) Египетъ, куда монголы не проникли, подаетъ, напротивъ, большія надежды на возрожденіе. Европейскую цивилизацію онъ усваиваетъ съ легкостью. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

популярны, что широко проникли даже въ официальную догматику ислама, онѣ нашли массу послѣдователей и въ соннитскомъ мірѣ. Въ новооснованномъ мало-азіатскомъ государствѣ турокъ-османовъ (1300) суфійское дервишество нашло у народа такой же хорошій пріемъ, какъ и въ Иранѣ.

Послѣдній важный моментъ въ исторіи исламскихъ народовъ — политическія событія конца XV и начала XVI в., давшія мусульманскимъ землямъ то политическое распредѣленіе, въ какомъ онѣ оставались до XIX в., и окончательно положившія на исламъ извѣстный отпечатокъ, съ которымъ мы его знаемъ теперь. Начнемъ обзоръ съ запада. Мавры (1492) были изгнаны христіанами изъ Испаніи и перешли въ сѣверную Африку. Объ исламскомъ западѣ можно сказать, что, несмотря на успѣхи въ немъ философіи и науки, онъ въ общемъ все-таки отличался правовѣріемъ *); а послѣ изгнанія изъ Европы маврскія государства проникаются сильнѣйшимъ религіознымъ фанатизмомъ и ненавистью противъ христіанъ: ненависть эту поддерживали постоянныя пиратскія войны, длившіяся до начала нынѣшняго столѣтія. Изъ сѣверной Африки исламъ распространялся на югъ, среди негровъ; пропаганда шла также изъ Египта. — Въ восточной Африкѣ Египетъ (1517), въ Азіи Сирія (1516), Аравія (1521)

---

*) Къ философіи и наукѣ показывалъ склонность элементъ мусульмано-испанскій (потомки вестготовъ), а правовѣріе хранила берберская примѣсь испанцевъ (мавры въ собственномъ смыслѣ).

и Месопотамія (1534) въ добавокъ къ Малой Азіи (завоеванной въ теченіе XIV—XV в.), въ Европѣ весь Балканскій полуостровъ съ землями славянъ (1389) и грековъ (1454) и Крымъ (1475)—попадаютъ въ руки турокъ-османовъ; турецкій султанъ (1517) дѣлается халифомъ правовѣрныхъ, турецкая нація и имперія—оплотомъ мусульманства. Какъ по свойству туго мыслящей турецкой натуры, легко отдавшейся неподвижнымъ узамъ схоластики и апатическаго фатализма, такъ и вслѣдствіе постоянной борьбы съ сосѣдними христіанами, турки дѣлаются самымъ правовѣрнымъ и самымъ фанатическимъ народомъ ислама. Умственная жизнь при турецкомъ хозяйствѣ, при деспотизмѣ султана и духовенства уничтожается.—Турокъ-османовъ въ религіозномъ отношеніи превзошли развѣ турки-узбеки, овладѣвшіе сперва въ 1451-мъ г., а затѣмъ окончательно въ первыхъ годахъ XVI в. цѣлымъ Туркестаномъ: здѣшнее правовѣріе, какъ вслѣдствіе недостатка истиннаго ума, такъ и въ силу противовѣса шіизму ненавистныхъ персовъ-сосѣдей, усилилось до безумнаго фанатизма и породило суевѣрную почтительность къ духовенству, отъ авторитета котораго не могли избавиться и сами ханы. — Въ Персіи шахъ-Исмаиль Сефи основалъ въ 1499 г. шіитскую династію Сефевидовъ, объявилъ шіизмъ государственною религіей и объединилъ всю Персію подъ этимъ знаменемъ. Помогли ему въ его воцареніи азербейджанскіе турки-шіиты, которые, въ силу свойства тюркской расы, изувѣрно были преданы своей вѣрѣ, тогда какъ природные персы всегда отлича-

лись порядочнымъ индифферентизмомъ. Резиденцію свою (Тебризъ) шахъ-Исмаилъ избралъ среди турецкаго населенія; оно же ревностно боролось за своего шіитскаго шаха противъ турокъ-соннитовъ (османовъ и узбековъ). Такимъ образомъ въ новомъ персидскомъ государствѣ развился, вмѣсто прежняго вольнодумнаго шіизма, шіизмъ фанатическій, нетерпимый. Духовенство (въ немъ, кстати, тюркскій элементъ преобладалъ) старательно заботилось о поддержкѣ фанатизма въ своей паствѣ: въ мусульманскомъ мірѣ, гдѣ юриспруденція связана съ богословіемъ, улемы занимаютъ мѣста и гражданскихъ чиновниковъ; съ момента торжества шіизма открылся передъ шіитскимъ духовенствомъ, раньше забытымъ и загнаннымъ, рядъ вліятельныхъ и доходныхъ должностей, и съ тѣхъ поръ интересы шіитскаго духовенства требовали, чтобы въ паствѣ поддерживалось чистѣйшее шіитское правовѣріе, слѣпая вѣра въ шіитскіе догматы и ненависть ко всякимъ новшествамъ и вольномыслию. При помощи правительства шіитскимъ улемамъ удалось привить въ персахъ горячую ненависть къ соннитамъ (т.-е. собственно къ туркамъ-османамъ, вѣчнымъ политическимъ врагамъ персовъ) и отчасти къ другимъ иновѣрцамъ, удалось также приостановить умственную жизнь народа, и если улемамъ не посчастливилось убить въ персахъ всякій духъ пытливости и сдѣлать ихъ такими же узкими фанатиками, какъ турки, то этому причиной была живая, умная натура иранца. Во всякомъ случаѣ, съ минуты объявленія государственной религіей, шіизмъ пере-

сталъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ прежніе вѣка.— Изъ Персіи мусульманами (тимуридомъ Бабуromъ II) въ 1526-мъ г. была завоевана Индія *), въ которой затѣмъ число мусульманъ стало равняться восьмой части мусульманъ всего міра. Изъ Индіи исламъ распространился по Индійскому архипелагу, среди малайцевъ.— Самыя сѣверныя области ислама (царство Казанское, Астраханское и Сибирское) потеряли въ XVI в. свою самостоятельность.

Въ теченіе трехъ (въ сущности даже пяти) послѣднихъ вѣковъ исламъ оставался окаменѣлымъ, неподвижнымъ и врагомъ прогресса. Нѣкоторыя попытки реформировать его (индійскаго императора Экбера въ XVI в. и арабовъ-Ваххабитовъ въ половинѣ прошлаго в.) остались безъ послѣдствій; попытки персидскихъ сектантовъ (важнѣе всѣхъ — Бабиды) — собственно антиисламскія. Въ государственномъ отношеніи происходило сильное внутреннее разложеніе. На западѣ, въ Османской державѣ, народъ разорялся и падалъ матеріально и умственно отъ владычества турокъ-османовъ; на востокѣ, въ Персіи, онъ страдалъ отъ турокъ восточныхъ: и отъ узбековъ-соннитовъ, производившихъ набѣги, и отъ мѣстныхъ турокъ-шиитовъ, производившихъ внутренніе раздоры; особеннымъ несчастіемъ была для Ирана эпоха дикаго владычества Надиръ-шаха (1736—1747) и кроваваго воцаренія нынѣшней ди-

---

*) Конечно, мусульманскія династіи въ ней царствовали и до Бабура, но только онъ и его преемники („Великіе голы“) вполне прочно укрѣпились на полуостровѣ.

настіи Каджаровъ (Мохаммедъ-Ага 1779—1797). Несмотря на свое внутреннее гніеніе, Востокъ политически былъ все-таки сильнѣе Запада, а потому презиралъ его и не думалъ чему-нибудь учиться отъ него. Но въ новѣйшія времена, когда англичане сокрушили царство Великаго Могола, когда русскіе стали отнимать области у Турціи, Персіи и узбековъ, а французы стали тѣснить Египетъ и потомъ овладѣли Алжиромъ, — мусульманскій Востокъ началъ пробуждаться и, изъ страха за свое существованіе, началъ неохотно, противъ воли, учиться франкскимъ знаніямъ, порядкамъ и обычаямъ. Передъ нимъ стоитъ дилемма: или преобразоваться и войти въ семью европейскихъ народовъ, или остаться при старыхъ порядкахъ и погибнуть

Послѣ этого обзора исторіи исламскихъ народовъ позволительно задать вопросъ: Какая была историческая и культурная роль ислама? Насколько онъ содѣйствовалъ успѣху человѣчества?

Несомнѣнную услугу исламъ оказалъ *арабамъ*: онъ ихъ объединилъ и, такимъ образомъ, далъ имъ силу. Еще до Мохаммеда было нѣсколько попытокъ объединить арабовъ политически, но всѣ онѣ кончались неудачей: каждое арабское племя было слишкомъ проникнуто индивидуализмомъ и слишкомъ гордо, чтобы признать за другимъ племенемъ право гегемоніи надъ всѣми. Мохаммедъ объединилъ вѣрующихъ арабовъ подъ знаменемъ религіи. Въ но-

вомъ союзѣ главенство безспорно принадлежало Мохаммеду,—но почему?—не на основаніи его національнаго происхожденія, а на основаніи религіи: онъ былъ пророкъ. *Такой* гегемоніи могло довольно легко подчиниться и невѣрующее большинство: національная гордость отъ нея не терпѣла. Правда, сначала нѣкоторое время, какъ мы знаемъ, невѣрующіе арабы пытались еще отдѣлаться отъ власти ислама, но послѣ первыхъ же побѣдъ, которыя ихъ обогатили, мы ужъ больше не видимъ ихъ протеста. Итакъ, для племени арабовъ, которое изъ ничтожества было поднято исламомъ до міроваго могущества, исламъ несомнѣнно оказалъ великую услугу.

Завоеватели, какъ мы знаемъ, объединили обширныя владѣнія персовъ и византійцевъ, избавили населеніе отъ прежнихъ безпорядковъ,—въ новомъ государствѣ, гдѣ побѣжденное населеніе стояло на высокой степени культуры, закипѣла жизнь. Исламъ ли это заслуга или просто объединительной власти арабовъ и ихъ удачной политики? Вопросъ этотъ спорный. Съ одной стороны, предлагается такое разсужденіе: для возбужденія культурной жизни едва ли было достаточно механическаго соединенія разныхъ народовъ подъ хорошимъ управленіемъ арабовъ, очень полезно было и духовное единство, а духовную объединительную силу могъ имѣть только исламъ съ его строгою монотеистическою простотою, съ его отсутствіемъ запутанныхъ догматическихъ тонкостей,—всякая другая религія не была бы такъ общедоступна, такъ общепонятна, какъ исламъ, а

потому не имѣла бы объединительной силы. Это разсужденіе страдаетъ апріорностью: никакой единой, однородной и оригинальной мусульманской культуры мы не знаемъ. Въ государственной и общественной организаціи восточнаго ислама, равно какъ въ его матеріальной культурѣ, мы наблюдаемъ развитіе остатковъ старо-парсійской культуры; въ западно-азіатскомъ исламскомъ мірѣ — слѣды культуры византійской; въ сѣверной Африкѣ, Сициліи и Испаніи — культуры римской и римо-испанской; отыскать одинъ общій духъ, одинъ общій мусульманскій характеръ во всѣхъ этихъ культурахъ — немыслимо: единственная связывающая ихъ черта — господство арабскаго языка.

Халифатъ блисталъ не только матеріальною культурой, но и умственной жизнью. Въ тяжелыя времена темнаго европейскаго варварства арабы (или люди, говорившіе по - арабски) занимались философіей, естественными и точными науками; они въ большей или меньшей степени сохранили античную духовную жизнь, а потомъ передали ее Европѣ. Это и есть для насъ высшая заслуга арабовъ или, точнѣе, народовъ, объединенныхъ арабами. Но былъ ли причиной этого исламъ, какъ *религія*? — Еслибы мы могли сказать, что мусульманская религія покровительствовала наукѣ и шла съ нею рука объ руку, то, конечно, отвѣтъ былъ бы положительный. На самомъ же дѣлѣ и философія и наука въ мусульманскомъ мірѣ шли всегда въ разрѣзъ съ право-вѣрною исламскою религіей и признавались за нечестіе. Короткій періодъ владычества мѣтазилитовъ

считается, и совершенно основательно, періодомъ господства не ислама, а ереси, періодомъ *гоненія* на правовѣрный исламъ. Послѣ паденія мѣтазилитовъ и торжества правовѣрія мы видимъ, что всякое проявленіе свободной мысли, философской и научной дѣятельности — ревностно преслѣдуется религіей. Правда, несмотря на угнетенія, мысль и наука *все-таки* подвигались впередъ (пока, наконецъ, Махмудъ Газневидскій, турки-сельджуки, монголы, турки-османы и тюркмены не убили жизни на востокѣ). Но кто сочтетъ возможнымъ видѣть за этимъ движеніемъ мысли впередъ заслугу *ислама*, тотъ обязанъ будетъ также признать, что прогрессъ средневѣковой европейской мысли и торжество ея въ новѣйшіе вѣка есть заслуга *католицизма*.

Итакъ, историческое значеніе ислама сводится къ тому, что онъ выдвинулъ къ исторической жизни арабскую расу, которая затѣмъ, независимо отъ ислама, сберегла сообщая съ покоренными ею народами античную культуру во времена средневѣковаго европейскаго варварства. Прямыхъ культурныхъ заслугъ для человѣчества признать за исламомъ нельзя: только для совсѣмъ грубыхъ народовъ (тюрковъ, берберовъ, негровъ, малайцевъ) исламская религія явилась цивилизующею силой, а въ образованныхъ обществахъ она въ лучшихъ случаяхъ только *терпѣла* возлѣ себя умственную жизнь, обыкновенно же тормозила ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Современное положеніе ислама *).

Отличительный характеръ новой мусульманской исторіи.

Современное теченіе жизни исламскихъ народовъ существенно разнится отъ прежняго тѣмъ, что старинный азіатизмъ теперь смѣшивается у нихъ со вторгающимся европеизмомъ, и отъ этого смѣшенія порождаются новыя формы жизни.

Почему европейское вліяніе могло получить доступъ на Востокъ? Причина заключается въ томъ,

---

*) Относительно этой главы я долженъ сдѣлать оговорку. Моя жизнь въ Турціи, личныя наблюденія надъ этимъ государствомъ и изученіе турецкой исторіи привели меня къ заключенію, что Турція является отвратительною, неизлѣчимою язвой на тѣлѣ Европы, и существованіе этого государства—позоръ для европейской цивилизаціи. Но я желалъ соблюсти передъ читателями *полнѣйшее безпристрастіе* и потому рѣшилъ поступить вотъ какъ: во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ этой главы, гдѣ изложеніе моего личнаго мнѣнія могло бы показаться руссофилствомъ, воздерживаться отъ личныхъ су-

что политическая сила исламскихъ государствъ исчезла. Сознавая свою слабость, они съ одной стороны сами начали заботиться объ усвоеніи того, чѣмъ гяуры сильны, а съ другой стороны—они оказались не въ состояніи помѣшать наступательному вторженію европейскаго вліянія и европейскимъ попыткамъ передѣлать Востокъ на свой ладъ.

Нѣкоторыя добровольныя нововведенія производились Востокомъ еще и въ прежнія времена. Напримѣръ, Турція въ періодъ своей славы не сочла излишнимъ заимствовать у гяуровъ пушки. Однако, существенныя новшества произошли только въ настоящемъ столѣтіи. Султанъ Махмудъ II (1808 — 1839), видя страшный упадокъ Турціи, видя свою неспособность справляться съ непокорными янычарами и полагая, что сила Европы заключается въ хорошемъ устройствѣ ея войска, — уничтожилъ янычаровъ и постарался преобразовать войско на европейскій ладъ. Въ сосѣдней Персіи попытка реформировать войско предпринята была (подъ вліяніемъ Наполеона) немного раньше, но результаты

жденій, а приводитъ факты изъ сочиненій *туркофиловъ*. Чаще всего мнѣ пришлось прибѣгать къ сочиненіямъ извѣстнаго туркофила и руссофоба Герм. Вамбери, и особенно важнымъ считаю я подчеркнуть то обстоятельство, что характеристика умственныхъ способностей тюркскаго племени (далеко нелестная) сдѣлана мною всецѣло по Вамбери, — значитъ, лишена руссофильской предвзятости. Безотрадная картина турецкихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ тоже, въ существенныхъ чертахъ, принадлежитъ Вамбери, — по скольку его сочиненія не устарѣли.

были менѣе рѣшительны, чѣмъ въ Турціи, а въ Афганистанѣ и странахъ Оксуса, которые также рѣшили послѣдовать примѣру Турціи и Персіи, реформа ограничилась нѣсколькими мелочами. Уничтоживши должность начальника янычаровъ (йеничарѣ агасы), Махмудъ II вмѣсто нея создалъ, по европейскому образцу, должность военного министра, да, кромѣ того, для сношеній съ франками учредилъ должность министра иностранныхъ дѣлъ (1836). Этимъ онъ положилъ въ Турціи начало министеріальному управленію, и число министерствъ (порядки которыхъ, впрочемъ, остались тѣ же, что и въ прежнихъ диванахъ) затѣмъ постепенно увеличивалось: въ 1838 году создана должность министра финансовъ, въ 1846 г. — министра полиціи, въ 1857 г. — министра юстиціи и министра народнаго просвѣщенія, и т. д. Починъ Турціи нашелъ подражаніе и на болѣе далекомъ мусульманскомъ Востокѣ, именно въ Персіи. Третье нововведеніе Махмуда касалось одежды: несмотря на негодованіе турокъ, онъ велѣлъ чиновникамъ надѣть костюмъ европейскій и, между прочимъ, изгналъ чалму и вмѣсто нея ввелъ феску. (Хоть подобные факты покажутся маловажными, но они имѣютъ въ сущности глубокое значеніе, потому-что явились *начинаніями* и показали новую дорогу какъ преемникамъ Махмуда II, такъ и другимъ мохаммеданскимъ государямъ; даже введеніе фесокъ не пустякъ, такъ какъ оно едва не вызвало народной революціи). Махмудъ устроилъ также турецкія посольства въ европейскихъ городахъ, черезъ которыя, конечно, про-

никали изъ Европы на востокъ европейскіе обычаи. Рѣшено было и прямо познакомиться съ наукой запада; съ этою цѣлью стали посылаться для образованія за границу молодые турки. Постепенно тотъ же примѣръ нашелъ себѣ подражаніе и въ Персіи, и даже въ Бухарѣ, а ужъ тѣмъ болѣе въ Египтѣ, вассальномъ соперникѣ Турціи.

Но, какъ мы ужъ сказали выше, западъ и самъ непрошено вторгался со своимъ вліяніемъ на востокъ. Наименѣе назойливымъ является вліяніе обыкновенныхъ переселенцевъ: купцовъ, промышленниковъ и политическихъ эмигрантовъ, находящихъ себѣ убѣжище на востокѣ. Разумѣется, народъ торговый и промышленный, занятый матеріалистическими, денежными разсчетами, мало походитъ на просвѣтителя; что же касается эмигрантовъ политическихъ, то они сообщаютъ азіатамъ не совсѣмъ лестныя вещи о нашемъ западѣ *); и все-таки извѣстнаго воздѣйствія въ западномъ духѣ они не могутъ не производить. Сознательно и при томъ болѣе назойливо стараются внести на востокъ свое вліяніе христіанскіе миссіонеры. Ихъ религіозная проповѣдь, правда, не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на души мусульманъ, но зато его производятъ больницы и особенно школы. Но самый главный и самый ощутительный дви-

---

*) Напримѣръ, въ Турціи есть очень много чиновниковъ-поляковъ, убѣжавшихъ изъ Россіи послѣ мятежа; часть ихъ приняла даже мохаммеданство ради служебныхъ выгодъ. Нетрудно себѣ представить, въ какихъ краскахъ рисуютъ они Россію.

гатель реформъ — дѣйствія европейскихъ правительствъ. Ихъ вліяніе бываетъ двухъ родовъ: или непосредственное и потому успѣшное — въ завоеванныхъ ими мусульманскихъ странахъ, или посредственное, дипломатическое — въ странахъ или, точнѣе, въ одной изъ странъ, оставшихся еще самостоятельными, — въ Турціи. Первый указъ о всеобщемъ преобразованіи Турціи на европейскихъ началахъ былъ изданъ сыномъ Махмуда II Абдуль-Меджидомъ (1839 — 1861): это такъ называемый „Гюльханскій хатти шерифъ“ 3-го ноября 1839 г. Нельзя, конечно, отрицать извѣстнаго личнаго либерализма въ самомъ Абдуль-Меджидѣ, но все же остается несомнѣннымъ, что главнымъ источникомъ гюльханскаго указа было желаніе пріобрѣсть себѣ благоволеніе Европы и ея защиту противъ египетскаго паши Мохаммеда-Алія, возстаніе котораго грозило существованію цѣлой Турціи. Державы дали желаемую помощь и противъ Мохаммеда-Алія и вполслѣдствіи противъ Россіи (въ Крымской войнѣ). За Гюльханскимъ указомъ послѣдовало, подъ давленіемъ европейской дипломатіи, еще много другихъ султанскихъ указовъ („ирадѣ“), и изъ нихъ наиболѣе либеральныя обѣщанія произнесъ тотъ ираде, къ которому послы вынудили Абдуль-Хамида въ концѣ 1896 года. Надо, впрочемъ, замѣтить, что европейскіе дипломаты совершаютъ одну крупнѣйшую ошибку: они считаютъ турецкое правительство за подобное европейскимъ, обращаются съ нимъ отмѣнно вѣжливо, не настаиваютъ на немедленномъ исполненіи обѣщаній, а довольствуются простымъ

обѣщаніемъ реформъ, полагаясь на султанское слово, и потому вѣчно бываютъ обмануты. Восточные жители, какъ я имѣю возможность убѣдиться изъ ежедневныхъ разговоровъ съ ними, понимаютъ дипломатію въ смыслѣ узаконеннаго искусства обманывать другое государство *всякими* способами: если гяуровъ можно успокоить нахальною ложью, обѣщаніемъ, даннымъ съ цѣлью не исполнять его, и т. п. — то тѣмъ хуже для гяуровъ! а чего-нибудь позорнаго никто изъ восточныхъ жителей въ этой лжи не увидитъ; общественное мнѣніе радостно будетъ восхищаться „дипломатическою“ способностью султана съ его сановниками да осмѣивать непроходимую глупость „европейскихъ собакъ“. Отсюда происходитъ то печальное явленіе, что всѣ тысячи султанскихъ ираде и хатти-шерифовъ, изъ которыхъ каждый давно уже долженъ былъ бы сравнить Турцію съ Европой, остались преимущественно на бумагѣ, а иные, напримѣръ пресловутый указъ Абдуль-Хамида 1896 г., — *исключительно* на бумагѣ.

Всѣ вышеперечисленныя условія, т.-е. и извѣстное добровольное сближеніе Востока съ Западомъ, и насильственное наступленіе Запада на Востокъ, имѣютъ въ результатъ большую или меньшую степень европеизаціи Востока. Но европеизмъ не есть нѣчто однородное, онъ имѣетъ оттѣнки, — потому и въ воздѣйствіи его на Востокъ ясно можно уловить нѣсколько оттѣнковъ. Самая важная роль въ дѣлѣ насажденія европейской культуры въ Азіи принадлежитъ двумъ соперницамъ: Англіи и Рос-

си. Въ странахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, видно, кромѣ того, сильное вліяніе культуры французской, а на Балканскомъ полуостровѣ — австрійской. Вліяніе *Франціи*, въ наиболѣе почетномъ *) для нея видѣ, обнаруживается, главнымъ образомъ, въ распространеніи ея языка и литературы на Востокъ **); что же касается той мусульманской страны, которая непосредственно подчинена Франціи (Алжиръ), то Франція до сихъ поръ выказала лишь полнѣйшее неумѣнье ввести тамъ порядокъ. *Австрія* въ этомъ отношеніи противоположность ей: своимъ языкомъ и литературой она на Востокъ вообще никакого вліянія не оказала, но за то для подчиненной ей Босны сдѣлала уже много добра. Не жалѣя огромныхъ денежныхъ тратъ, Австрія подняла матеріальное благосостояніе босняковъ и ихъ умственный уровень; такъ какъ мусульманки не хотятъ лѣчиться у докторовъ-мужчинъ, то это послужило первымъ толчкомъ въ Австріи для разрѣшенія поступать женщинамъ на медицинскій факультетъ; въ австрійскихъ газетахъ и въ парламентѣ можно часто встрѣтиться съ жалобами на то, что ни объ одной коренной области правительство не заботится

---

*) Есть и непочетное ея вліяніе: распространеніе ея разврата, ея болѣзней, ослабленіе семейныхъ узъ и т. п.

**) Арабская новѣйшая пословица говоритъ: „Куда бъ ты ни бросилъ французскій языкъ, онъ вездѣ станетъ прямо на ноги“. Смыслъ этой пословицы придается тотъ, что при знаніи французскаго языка человѣкъ всегда можетъ найти себѣ должность, заработать кусокъ хлѣба и потому принужденъ изучать этотъ языкъ.

столько, сколько объ оккупированной Боснѣ *). — Культурная роль *Англіи* на Востокѣ очень значительна, но методы ея дѣйствій не поддаются одной, общей характеристикѣ, — напр., въ Египтѣ Англія одна, а въ Индіи другая. Египетъ, который подѣ управленіемъ Англіи скоро совсѣмъ сблизится съ Европой, прекрасно развивается подѣ ея покровительствомъ и въ арабско-національномъ отношеніи, и въ экономическомъ, такъ что сосѣдніе арабы-сирійцы просто съ каждымъ днемъ все больше и больше проникаются англофильствомъ (и, заодно, руссофобствомъ). Въ Индіи англичане сдѣлали, пожалуй, очень много для поднятія народнаго благосостоянія, торговли, промышленности, образованія, но ихъ безцеремонное, иногда своевольное обращеніе съ жителями возбуждаетъ въ тѣхъ антипатію и даже ненависть, особенно въ мусульманахъ. Въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ Англія до сихъ поръ относилась очень дружественно къ Турціи и заслужила въ Россіи прозвище „покровительница ислама“; но въ послѣднее время Англія стала врагомъ султана, а другомъ его считается теперь Россія. — *Россія* издавна была сокрушительницей ислама. Ея вѣковѣчная борьба съ Турціей вкоренила въ восточныхъ христіанахъ убѣжденіе, что суще-

---

*) Плохо живетъ въ Боснѣ только нашимъ единовѣрцамъ — православнымъ христіанамъ: въ силу политическихъ соображеній, правитель Босны гр. Каллай стѣснилъ до крайности свободу православной церкви и уничтожилъ внутреннюю самостоятельность, которою пользовалась эта церковь во времена турецкаго владычества.

ствуешь завѣщаніе Петра Великаго, обязывающее всѣхъ его преемниковъ вести войну съ турками каждыя двадцать лѣтъ *). Россія убила силу Османской имперіи, освободивши изъ-подъ ея власти большую часть Балканскаго полуострова, а въ Азіи Россія непосредственно подчинила себѣ самые фанатическіе мусульманскіе народы, и теперь цивилизуетъ ихъ. Европейцы обыкновенно насмѣхаются, если зайдетъ рѣчь о цивилизаторскомъ значеніи Россіи; у нихъ всегда готовъ вопросъ: „Развѣ кнутъ или розга могутъ быть носителями цивилизаціи?“ Въ большемъ ходу фраза: „Обрусеніе—другая форма азіатства“, или „не грубой Россіи съ ея дикими приемами быть провозвѣстницей мирной культуры“. Разумѣется, ни одинъ русскій не можетъ не знать (напримѣръ, читая русскія же, азіатскія газеты), что азіатскіе мусульмане, подчиненные Россіи, еще имѣютъ порядочно поводовъ жаловаться: и русскіе чиновники, лишеныя контроля въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ, бывали до сихъ поръ вовсе не идеальны,

---

*) Теперь какъ разъ истекаетъ двадцать лѣтъ со времени послѣдней русско-турецкой войны, и толки о „завѣщаніи Петра В.“ возобновились. Въ виду нынѣшнихъ отношеній Россіи къ Турціи христіане въ недоумѣніи. Одни безъ всякихъ сомнѣній ждутъ войны въ будущемъ году, и ихъ занимаетъ вопросъ, какой поводъ къ войнѣ отыщеть Россія; другіе подозреваютъ, что войны не будетъ, и негодуютъ на незаконное нарушеніе завѣщанія Петра. Господствующее мнѣніе теперь, впрочемъ, такое, что Россія сперва желаетъ окончить постройку Сибирской желѣзной дороги и потому немного опоздаетъ съ объявленіемъ войны, но за-то по окончаніи постройки нападетъ на Турцію съ удвоенною силой.

и дѣятельность т. н. „ташкентцевъ“ тоже не очень похвальна, и обрусительныя стремленія Россіи возбуждаютъ въ мусульманскомъ населеніи далеко не меньшее неудовольствіе, чѣмъ они возбуждаютъ среди поляковъ, малороссовъ, грузинъ, армянъ. Конечно, все это такія условія, которыя должны въ сильной степени неблагопріятствовать мирной культурной задачѣ Россіи. Но, во-1-хъ, они устранимы, а во-2-хъ—даже при ихъ наличности такой безпристрастный и глубокій наблюдатель, какъ историкъ ислама А. Мюллеръ, нашелъ, что они искупаются положительными сторонами русской дѣятельности, и выразился такъ: „Не желая особенно входить въ разсмотрѣніе политическихъ вопросовъ, я все-таки считаю своимъ долгомъ положительно заявить, что поглощеніе ханствъ Россіей было истиннымъ счастьемъ для населенія всѣхъ этихъ странъ“ (т. III, стр. 388). Даже Вамбери, распространившись въ доказательствахъ, что Россія сама еще некультурна, что „стремленія Россіи направлены на разложеніе Азіи, а не на исцѣленіе ея“, и что удобства, введенныя Россіей въ Туркестанѣ, предназначаются „больше для русскихъ, чѣмъ для туркестанцевъ“, въ концѣ концовъ не можетъ не согласиться вотъ съ чѣмъ: „Россія во всякомъ случаѣ положитъ конецъ тамошнему варварству, безопасность личности и имущества будетъ установлена, торговля и движеніе оживутъ“ (Der Islam, стр. 297).

Характеристика отдѣльныхъ мусульманскихъ народностей.

Отмѣтивши въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ течетъ исламская жизнь въ нынѣшнемъ вѣкѣ, посмотримъ, какой матеріалъ для европеизированія представляютъ собою народы, исповѣдующіе теперь исламъ, и насколько характеръ каждой народности позволяетъ ей примирять вѣру съ новыми теченіями.

Одинъ арабъ, побывавшій недавно въ Америкѣ, проводитъ слѣдующую параллель между жителями Востока и Запада: „Восточные люди отличаются быстротой пониманія, они понимаютъ съ полуслова. Но, отличаясь быстрою понятливостью, они вообще отличаются и быстрою забывчивостью. Поэтъ говоритъ:

„Человѣкъ названъ человѣкомъ только за свою
забывчивость,
„Сердце названо сердцемъ за свое непостоянство“ *).

„Западный же человѣкъ не уразумѣетъ тебя иначе, какъ путемъ повторенія, но уже не забываетъ того, что онъ разъ усвоилъ: его умъ — словно пчелиная ячейка. Онъ настолько славится мощью памяти, насколько восточный человѣкъ славится проница-

---

*) Здѣсь непереводаемая игра словъ. Поэтъ сближаетъ этимологически слова „инсân“ (человѣкъ) и „нисйân“ (забвеніе), „қальб“ (сердце) и „қальб“ (вращеніе, измѣненіе). Стихъ этотъ въ большомъ ходу у сирійцевъ и считается очень удачнымъ узаконеніемъ восточной халатности и непостоянства.

тельностью и тонкостью ума“ *). Эта параллель, проведенная арабомъ, вполне согласуется съ тѣмъ, что говорятъ этнографы-оріенталисты о семитахъ и азіатахъ-арійцахъ, родственныхъ намъ: у нихъ нѣтъ устойчивости и настойчивости въ трудѣ, а потому въ результатахъ умственной дѣятельности они вѣроятно и въ будущемъ не могутъ вполне сравниться съ европейцами, хотя превосходятъ ихъ своими способностями. Арійцы и семиты — наиболѣе даровитые изъ мусульманъ. Остальные мусульмане принадлежатъ къ племенамъ, природныя дарованія которыхъ стоятъ значительно ниже европейскихъ.

Въ прямомъ отношеніи къ большей или меньшей талантливости какого-нибудь мусульманскаго народа находится большая или меньшая степень его терпимости къ чужимъ религіямъ и народностямъ. Вотъ главные исламскіе народы:

1) *Арабы*, изъ нѣдра которыхъ вышелъ пророкъ ислама. Какъ и въ старину, арабы-бедуины совершенно равнодушны къ вѣрѣ, а горожане отличаются широкою терпимостью, и оттого, напр., Египетъ и Сирія пошли въ усвоеніи европеизма впереди всѣхъ мусульманскихъ странъ. Даже жители святыхъ городовъ — Мекки и Медины — до того не ревнивы къ религіи и до того стараются обдирать пилигримовъ, что составила пословица: „Въ святыхъ городахъ чортъ живетъ“. Фанатизмъ, причина котораго при томъ неясна, отмѣчается только у т. н. арабовъ-дире, — полукочевыхъ, полuosѣдлыхъ, живу-

---

*) „Эль-гаріб фи ль-гарб“ Мухаилы Ростомъ, 1895, ст. 98.

щихъ на краю пустыни *). Кромѣ того, жителей Бейрута иногда относятъ къ числу фанатиковъ: особенно отъ дамаскинца, разъ онъ недавно еще переѣхалъ въ Бейрутъ, вы всегда можете услышать воздыханія объ оставленномъ Дамаскѣ, гдѣ не существуетъ розни между мусульманами и христіанами. Но если вникнуть въ настроеніе мусульманъ-бейрутинцевъ, то окажется, что ихъ ненависть направлена не противъ христіанства вообще,—напримѣръ, она не проявляется по отношенію къ европейцамъ (хотя тѣ держатъ себя полными хозяевами въ Бейрутѣ и обращаются съ арабами свысока); направлена она только противъ мѣстныхъ христіанъ, которые въ Бейрутѣ составляютъ большинство, имѣющее при томъ въ своихъ рукахъ капиталы (какъ у насъ въ юго-западномъ краю евреи), и которые поэтому, несмотря на свою обычную трусость, ведутъ себя самымъ вызывающимъ образомъ**). И мнѣ

---

*) Можно бы еще прибавить: „и у арабовъ сѣверной Африки, т. н. магрибинцевъ (обитателей Марокко, Туниса, Алжира и т. д.)“. Но магрибинцы не столько арабы, сколько берберы, говорящіе арабскимъ языкомъ, и у нихъ всѣ качества берберовъ.

**) Есть и другія причины. Христіане Бейрута въ большей части составились изъ людей, которые стеклись сюда послѣ рѣзни, устроенной въ Сиріи турецкимъ правительствомъ въ 1860-мъ г.; изъ нихъ многіе лишились своихъ родныхъ и наполнились ненавистью къ исламу, во имя котораго правительство произвело рѣзню. Европейскія генеральныя консульства, чрезвычайно сильныя въ Бейрутѣ (потому что въ ихъ власти находится также административное наблюденіе надъ конституціоннымъ Ливаномъ, напр. надъ выборами въ пра-

передавали очевидцы - арабы, возвратившіеся изъ Америки, что стѣить тому же бейрутинцу мусульманину выѣхать изъ Бейрута, напр. въ Бразилію, и встрѣтиться тамъ съ арабомъ-христіаниномъ, какъ оба наполняются величайшею радостью, оба признають другъ въ другѣ соплеменниковъ, и завязывается самая тѣсная дружба; среди другихъ народовъ Востока, по мнѣнію которыхъ національное единство обусловливается единствомъ религіи, а не языка, подобное явленіе было бы немыслимо. Также въ Месопотаміи возможность религіозныхъ несогласій среди арабовъ устранена развитымъ сознаніемъ національнаго единства, что подчеркивають особенно Соутгэть (Southgate) и Социнъ. Социнъ передаетъ между прочимъ, что, когда онъ хотѣлъ однажды въ городкѣ Захо выдать турецкой полиціи своего слугу, который его обокралъ (а это былъ арабъ-христіанинъ изъ - подъ Мосула), то къ нему поспѣшили всѣ мосульскіе купцы - мусульмане и упрашивали не подвергать ихъ соотечественника такому наказанію.

2) *Иранцы*. Прежде всего—*персы*. Самостоятельная Персія, въ силу своей отдаленности отъ Запада, усвоила отъ него еще довольно мало, меньше, чѣмъ

вительственное собраніе) всегда держать сторону христіанъ; въ свою очередь турецкое правительство, хоть вообще арабовъ не терпитъ, дѣлаетъ для немногочисленныхъ бейрутскихъ мусульманъ исключеніе, покровительствуетъ имъ, поощряетъ ихъ противъ христіанъ, оставляетъ безнаказанными ихъ преступленія противъ христіанъ. Въ результатъ получается взаимная антипатія бейрутскихъ мусульманъ и христіанъ.

Константинополь; по отношенію къ образованности въ Персіи царитъ еще средневѣковая тьма. Но характеръ народа служитъ ручательствомъ, что въ ближайшемъ будущемъ персы обгонятъ всѣхъ остальныхъ мусульманъ. Народъ этотъ чрезвычайно остроумный, склонный къ свободомыслію и чуждый религіознаго фанатизма. Его міровоззрѣніе издавна пропиталось суфійскими идеями о равенствѣ всѣхъ религій, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ замѣчательнымъ успѣхомъ пользовался (и еще пользуется, несмотря на гоненія) бабизмъ,—тоже родъ суфизма, съ его проповѣдью противъ нетерпимости шіитскаго духовенства. У насъ обыкновенно имѣется о персахъ превратное представленіе, потому что за персовъ принимаются изувѣрные турки-шіиты, живущіе въ русскомъ Закавказьѣ и сосѣдней сѣверной Персіи; кромѣ того, русскіе судятъ о персахъ по бухарскимъ таджикамъ, а вѣдь тѣ между фанатическими средне-азіатскими тюрками принуждены держать себя набожно, поддѣлываясь подъ тонъ окружающей среды, которую они эксплуатируютъ. Впрочемъ и таджикъ рѣзко отличается отъ тюрка тѣмъ, что съ нимъ можно вести самые вольнодумные споры о религіи, и онъ старается разбить противника доказательствами логическими, тогда какъ тюркъ считаетъ страшнымъ кощунствомъ подвергать какое-нибудь предписаніе религіи даже самому легкому критическому обсужденію. Нѣчто въ родѣ религіознаго фанатизма можно усмотрѣть у персовъ въ ихъ яростной ненависти къ соннитамъ, но такъ какъ сосѣдніе сонниты — турки, исконные враги персовъ,

то скорѣе нужно видѣть здѣсь ненависть національную. Отсутствіе религіознаго фанатизма лучше всего видно во время войны съ христіанами, одно прикосновеніе которыхъ, по ученію шіитскаго духовенства, должно считаться нечистымъ („неджес“). Гр. Гобино передаетъ слѣдующую рельефную сцену.— На 20 персовъ,—говоритъ онъ *),—у которыхъ всегда на устахъ благочестивыя слова, едва ли найдется хоть одинъ, вѣрующій въ то, что онъ говоритъ.... Во время послѣдней войны, которую Англія объявила Персіи, одинъ армянинъ-католикъ внушилъ правительству мысль произвести проповѣдь священной войны, какъ это водится у соннитовъ. Многіе государственные люди находили дурнымъ и небезопаснымъ подымать чернь, другіе считали проповѣдь о священной войнѣ за вещь дикую и смѣшную, наиболѣе свѣдущіе порицали подобную мѣру, какъ бесполезную, и отрицали, чтобы у простого народа могла появиться малѣйшая склонность ополчиться за вѣру. Послѣ колебаній правительство рѣшилось попытаться. Настроеніе базара было очень забавно. „Будутъ проповѣдовать священную войну....“, говорили купцы, „но къ чему? Чтобъ не дать англичанамъ прійти сюда? А почему бы имъ не прійти? У нихъ есть деньги, они будутъ ихъ тратить, они будутъ платить наличными;—въ чемъ же тутъ для насъ бѣда? Тотъ, кто не желаетъ ихъ прихода, пусть идетъ на войну, но насъ пусть оставляютъ въ покоѣ!“ Что касается простого

---

*) Гр. Гобино жилъ въ Персіи въ 1855—1858 году.

народа, на который рассчитывало правительство, онъ остался безучастнымъ. Онъ остроумно сообразилъ, что, если покажетъ видъ воодушевленія, то его погонятъ на войну, а на грабежъ непріятелю и такъ не отдадутъ; потому онъ рѣшилъ остаться въ сторонѣ.—Наступилъ, наконецъ, день проповѣди. Съ утра, по Высочайшему повелѣнію, заперли базаръ и созвали всѣхъ мусульманъ въ шахскую мечеть; не дозволили никому остаться на улицахъ или дома. Была приставлена стража, чтобы никто не вышелъ изъ мечети. Въ ожиданіи перваго министра и вельможъ одинъ моллаъ взошелъ на кафедру и сталъ читать подготовительное поученіе, на тему о пользѣ молитвы. Онъ старался доказать, что молитва—лучшее средство для обогащенія, и такимъ образомъ рассчитывалъ успокоить толпу, которая горѣла нетерпѣніемъ вернуться въ свои лавки.—„Хотите ли вы“, восклицалъ молла, „сдѣлаться важными купцами, пріобрѣсти прекрасныя, плодородныя земли, жить въ богатствѣ? умножайте неустанно число вашихъ молитвъ, и все вамъ придетъ по этому пути“. Для подтвержденія онъ сообщалъ рассказы изъ жизни святыхъ. Но при каждомъ словѣ проповѣдника кто-нибудь отпускалъ остроту, и въ мечети подымался шумъ и хохотъ. Одинъ говорилъ: „Ну, вотъ ты знаешь тайну, какъ обогатиться, ничего не дѣлая,—чего жъ ты вѣчно плачешься на бѣдность?“— „Ого“, слышался отвѣтъ изъ другого угла, „не такой онъ дуракъ, чтобы терять время на молитву, разъ въ городѣ есть винная продажа“. Шумъ и перекрестный огонь насмѣшекъ продол-

жался до прихода министра. Конецъ церемоніи прошелъ приличнѣе, но безъ всякихъ послѣдствій: ни изъ сель, ни изъ городовъ не было добровольцевъ.— Характеристика перса иранскаго приложима въ общихъ чертахъ и къ *персу индійскому* *); лучшимъ доказательствомъ служить живое усвоеніе европейской образованности индійскими мусульманами, хотя она идетъ отъ англичанъ, ненавистныхъ въ политическомъ отношеніи.— Полудикіе *афганцы* отличаются отъ персовъ развѣ бѣльшимъ количествомъ честности **), но въ дѣлѣ религіи афганцы тоже равнодушны. Религіей или вѣроисповѣднымъ отличіемъ они пользуются какъ предлогомъ произвести грабежъ среди иновѣрцевъ и шиитовъ (афганцы преимущественно сонниты).— Для той же цѣли тѣмъ же предлогомъ пользуются классическіе разбойники передней Азіи—*курды*. Въ дѣйствительности же у нихъ религія играетъ самую послѣднюю роль. По выраженію Вамбери, курдъ мѣняетъ вѣру сообразно съ временемъ года:—для него та вѣра наилучше, которая въ данную минуту наивыгоднѣе.

---

*) Индійскіе мусульмане все еще преимущественно персы, хотя, пожалуй, въ крови ихъ есть уже не мало индусской примѣси, такъ какъ индусы понемногу принимаютъ исламъ и затѣмъ вступаютъ въ родственныя отношенія съ персами.

**) Увы! вся талантливость персовъ омрачается ихъ возмутительною лживостью. По мнѣнію перса, „ложь спасительна, а правда пагубна“. Въ этомъ отношеніи онъ—рѣзкая противоположность своему сосѣду и врагу—тюрку. У того, сторонника грубой силы, идущей явно напроломъ, выработалась въ характерѣ прямота и честность,—качества, которыя и до сихъ поръ не исчезли у тюрковъ-крестьянъ.

2) *Тюрки* (турки, туранцы) *)—полная противоположность арабамъ и иранцамъ. Они теперь опора ислама. Какъ это было и въ прежнія времена (см. гл. II), отличительнымъ признакомъ тюрка является совершенно слѣпая вѣра, ненависть къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, религіозный консерватизмъ и фанатизмъ, нетерпимость къ другимъ вѣрамъ. Въ высшей степени этими качествами отличаются узбеки, или тюрки Средней Азіи; напротивъ, турки-османы, въ крови которыхъ есть извѣстная примѣсь европейская, фанатичны менѣе узбековъ, хотя ничуть не менѣе тверды и консервативны въ вѣрѣ. Середину между тѣми и другими (и по географическому положенію, и по религіозному настроенію) занимаютъ тюрки-азербейджанцы, по вѣроисповѣданію шіиты **).—Европейскіе татары подъ долгимъ русскимъ владычествомъ успѣли потерять агрессивную нетерпимость, но консерватизмъ сохранили въполнѣ.

Три перечисленныя народности: тюркская, иранская и арабская—виднѣйшіе представители современнаго мусульманскаго міра, при чемъ тюрки представляютъ элементъ ретроградный, а иранцы и арабы—прогрессивный. Арабы и персы другъ друга не любятъ, но сходятся въ одномъ пунктѣ: въ не-

---

*) Я держусь восточнаго произношенія „тюрки“ потому, что въ обыкновенномъ русскомъ языкѣ именемъ „түрокъ“ обозначаютъ не цѣлое турецкое племя, а только ту часть, которая основала османское государство.

**) Напомню, что за свою беззавѣтную преданность шіизму они часто принимаются русскими за персовъ.

нависти къ туркамъ; самое имя „тюркъ“ оказывается въ ихъ языкѣ синонимомъ словъ: „грубый“, „тупой“, „необразованный“. — Остальные исламскіе народы относятся, подобно туркамъ, къ расамъ грубымъ и малоодареннымъ отъ природы, а потому въ высшей степени вѣрны исламу. Изъ нихъ, за свою численность, которая обѣщаетъ имъ видную роль въ будущемъ ислама, заслуживаютъ упоминанія: свирѣпые *дунганы* — жители сѣверо-западнаго Китая, прославившіеся своимъ мохаммеданскимъ изуверствомъ и внушающіе своею пропагаторскою дѣятельностью опасеніе, что нѣкогда весь Китай перейдетъ въ мусульманство; *малайцы* — тихіе, но очень дѣятельные распространители ислама въ Индійскомъ Архипелагѣ; *берберы* (по франц. „kabyles“) — народъ въ сущности плоховато знакомый съ тонкостями мусульманства, но обожающій своихъ мусульманскихъ подвижниковъ („марабутовъ“) и наиболѣе фанатическій и нетерпимый между всѣми исламскими народами; по ихъ мнѣнію, убить христіанина — не менѣе богоугодное дѣло, чѣмъ совершить хажжъ *); наконецъ — многочисленные *негры*, которые съ принятіемъ ислама также дѣлаются нетерпимыми.

---

*) Къ числу берберовъ приходится отнести и ихъ враговъ: т. н. „арабовъ“ сѣверной Америки. Языкъ ихъ не берберскій, а арабскій, но по происхожденію они очень мало семиты.

Современное государственное устройство у исламских
народовъ.

Повелитель мусульманскаго государства можетъ носить разныя названія: въ Турціи—султанъ („властелинъ“), въ Персіи—шахъ („царь“), въ Афганистанѣ—эмиръ („князь“), и т. д., но вездѣ отличительный его признакъ—неограниченная, деспотическая власть надъ подданными: собственная особа повелителя считается источникомъ и хранилищемъ закона, проще сказать: она — самый законъ. Какъ во всѣхъ деспотіяхъ, безпримѣрную и главную власть надъ государствомъ, такую же, какая полагается повелителю, получаютъ личные любимцы повелителя; изъ нихъ въ послѣднее время особенно интересенъ былъ Азизъ, мальчикъ-возлюбленный персидскаго шаха Насреддина: этотъ „лакей“ *) стоялъ по своему вліянію выше министровъ и всякихъ сановниковъ. Но помимо фаворитовъ все же существуетъ и регулируемое государственное управление. Посредниками или орудіями повелителя въ управленіи народомъ являются съ одной стороны (на европейскій ладъ) свѣтскіе министры съ подвѣдомственными имъ чиновниками, а съ другой стороны (въ Турціи, по крайней мѣрѣ) -- глава мусульманскаго духовенства „шейхъ-уль-исламъ“, иначе—„великій муфтіи“, — тоже съ подвѣдомственнымъ ему штатомъ чиновниковъ. Хотя шейхъ-уль-исламъ на-

---

*) „Пишхидмет“, — такъ всегда титуловали этого юношу заграничныя революціонныя персидскія газеты.

значается въ свою должность султаномъ *), но, благодаря своему вліянію на народъ, онъ часто можетъ тормозить замыслы самого султана, потому что всякія законодательныя султанскія распоряженія должны быть подкрѣплены „фетвой“, т. е. религіознымъ разрѣшеніемъ шейхъ-уль-ислама; значить, въ нѣкоторой степени онъ ограничиваетъ султанское самодержавіе. Въ Персіи нѣтъ официальной должности шейхъ-уль-ислама такой, какъ въ Турціи, но тамъ шахъ принужденъ считаться въ своихъ начинаніяхъ съ волей главныхъ „моджтехидовъ“ или „протоіереевъ“, въ особенности тѣхъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Персіи, въ Кербелѣ **). Въ другихъ государствахъ, напр., въ Афганистанѣ, роль шейхъ-уль-исламовъ играютъ святыя главы дервишескихъ орденовъ: ихъ вліяніе на народъ бываетъ такъ сильно ***) , что, напр., иногда они заставляли кня-

---

*) Изобрѣтена она султаномъ Мохаммедомъ II въ 1453-мъ г.

**) Лѣтъ пять тому назадъ, когда шахъ отдалъ англичанамъ монополію на продажу табаку, тѣ моджтехиды въ Багдадѣ провозгласили, что приложеніе бандероли невѣрными оскверняетъ табакъ. Народъ, враждебно настроенный противъ монополіи ужъ просто въ силу матеріальной невыгоды, поднялъ тогда такое волненіе, что шахъ принужденъ былъ отнять у англичанъ монополію, хотя она была для него чрезвычайно выгодна.

***) Конечно, подкладка ихъ религіознаго вліянія бываетъ часто политической, и собственно поэтому оно сильно. Напр., религіозный фанатизмъ дервишескихъ шейховъ по отношенію къ англичанамъ вполнѣ совпадаетъ съ національною ненавистью афганскаго народа противъ англичанъ, и потому народъ охотно слушаетъ шейховъ, даже если ихъ рѣчи идутъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства.

зей предпринимать какую-нибудь войну при нежеланіи самихъ князей. Такимъ образомъ въ лицѣ шейхъ-уль-ислама или подобныхъ ему духовныхъ особъ поставлено извѣстное ограниченіе деспотизму правителей, но съ общечеловѣческой точки зрѣнія, едва ли приходится радоваться этому. Правда, иногда духовенство налагало узду на правительскую жестокость (это, напр., оказывалось въ Туркестанѣ), но обыкновенно оно старается употребить всю свою силу на ярое противодѣйствіе реформамъ *), потому что реформы грозятъ во-1-хъ уменьшеніемъ нравственнаго вліянія муллъ на народъ, и, во-2-хъ отнимаютъ у духовенства нѣкоторыя очень важныя юридическія права,—напр., судопроизводство.

Изъ вышесказаннаго не трудно сообразить, какими качествами долженъ бы отличаться восточный властелинъ, чтобы успѣшно производить нововведенія: онъ, подобно Петру Великому, долженъ обладать энергичностью и личной горячей вѣрой въ превосходство западной цивилизаціи. Востокъ до сихъ поръ не имѣлъ еще такихъ повелителей: Всѣ мусульманскіе государи новаго періода были людьми чрезвычайно колеблющимися и (почти всѣ) до крайности малообразованными, даже въ восточномъ смыслѣ этого слова. Больше всего этого нужно сказать о Турціи. Тамъ умственному развитію султанскихъ дѣтей не благопріятствуетъ самая система

---

*) Отсюда ясно, что единственную благотѣльную для Турціи преграду султанскому деспотизму кладутъ европейскія державы. Впрочемъ, мы выше уже отмѣчали, до чего ненастойчивы ихъ дѣйствія.

ихъ воспитанія: по старинному обычаю сыны влaстителей должны проводить дѣтство и молодость въ затворничествѣ, въ отчужденіи отъ остального міра, въ кругу приставленныхъ къ нимъ рабовъ-льстецовъ, почти безъ всякаго даже элементарнаго обученія. Махмудъ II (1808—1839), давшій починъ для реформъ въ Турціи, былъ круглый невѣжда по знаніямъ, полудикарь по правамъ. Абдуль-Меджидъ (1839—1861), по характеру добрый или, вѣрнѣе, слабонервный, усвоилъ себѣ европейскія манеры и европейскій внѣшній лоскъ, но не образованіе; у него не хватало силы и упорства дойти даже до такой немудреной вещи, какъ знаніе французскаго языка, къ изученію котораго онъ, правда, приступалъ разъ пять или шесть; мусульманскаго образованія онъ также не имѣлъ. И все же Абдуль-Меджидъ стоялъ выше своего брата и преемника—Абдуль-Азиза (1861—1876), сущаго азіата. Сынъ Абдуль-Меджида Мурадъ, возведенный на престолъ революціей и царствовавшій всего нѣсколько мѣсяцевъ, былъ свергнутъ за свое слабоуміе. Братъ Мурада, нынѣ царствующій Абдуль-Хамидъ (съ 1876) болѣе тронутъ западнымъ лоскомъ (онъ, на примѣръ, играетъ на фортепіано), но его неслыханныя траты на содержаніе огромнаго харема *), распоряженія объ истребленіи армянъ и его нетвердость въ обѣщаніяхъ достаточно всѣмъ извѣстны.— Не очень утѣшительна характеристика и персидскихъ государей. Правда, тамъ система воспитанія

---

*) См. ниже.

шахскихъ дѣтей несравненно разумнѣе, чѣмъ въ Турціи: они съ молодости приучаются къ управленію государствомъ. Правда также, что персидскіе шахи, хотъ турки по происхожденію (каджары), совершенно объирились и подверглись облагораживающему вліянію персидской цивилизаціи; между прочимъ, всѣ они покровительствовали литературѣ и сами увлекались составленіемъ стиховъ. Но вѣдь современная персидская цивилизація далеко не удовлетворяетъ потребностямъ времени. Къ чести шаховъ нужно сказать, что, не испытывая понужденія со стороны Европы, они все-таки ввели у себя кой-какія реформы, и этимъ показали себя гораздо способнѣе султановъ. Но въ силу отдаленности Персіи отъ Европы, ни одинъ изъ шаховъ не проникся сознаніемъ важности реформъ. Фетхъ-Али-Шахъ (1797—1834), приступившій къ переустройству персидскаго войска при помощи французскихъ и другихъ европейскихъ учителей, былъ человѣкъ умный, но вовсе не склонный къ кореннымъ нововведеніямъ: по немъ европейская культура только слегка скользнула. Мохаммедъ-шахъ (1834 — 1848) продолжалъ заботиться о переустройствѣ войска, допустилъ и нѣкоторыя другія новшества въ европейскомъ духѣ, пользовался услугами европейскаго врача; но на Петра Великаго онъ не походилъ ужъ просто потому, что былъ слабоуменъ и оказался простою куклой въ рукахъ полусумасшедшаго Хаджи-Мирзы-Агасы. Насреддинъшахъ (1848—1896) понялъ если не превосходство, то хотъ комфортное удобство европейской культуры и рѣшилъ заимствовать многое.

Мирза-Тагы-ханъ, родомъ сынъ повара, новоназначенный визирь молодого шаха, взялся за дѣло, и персидскій народъ, при своей способности, началъ было колоссальными шагами ступать впередъ. Были организованы дипломатическія сношенія съ Европой, и самъ шахъ изъ любознательности посѣтилъ ее (что потомъ повторялось); начали посылаться молодые люди для образованія за границу, при чемъ имъ поручалось выучиться не только наукамъ, но и европейской технической промышленности; заведены были въ Персіи фабрики оружейныя, ткацкія и др.; введены были такія удобства, какъ фонари на улицахъ, мостовыя, тротуары, телеграфы, Персія вступила затѣмъ и во всемірный почтовый союзъ; были приняты мѣры для поддержки торговли съ иностранцами. Самое замѣчательное изъ стремленій Насреддина—стараніе всячески уменьшать власть муллъ надъ народомъ и, слѣдовательно, также надъ шахомъ; для этого Насреддинъ старался устранять муллъ отъ свѣтскихъ должностей, больше всего—отъ свѣтскаго суда, такъ что духовенство ненавидѣло шаха, какъ еретика, хотя въ угожденіе правовѣрію шахъ произвелъ колоссальное истребленіе секты бабидовъ. Сравнительно со своими предшественниками Насреддинъ является, конечно, шахомъ-прогрессистомъ, но только сравнительно. Насреддинъ былъ жестокимъ, капризнымъ тираномъ. Мирза-Тагы-ханъ былъ имъ казненъ (1851), и съ его казнью большинство предпринятыхъ реформъ не получило надлежащаго развитія. Колоссальныя подати и вымогательства были у шаха дѣломъ обычнымъ. Обра-

зованіе онъ имѣлъ плохое, свободную мысль ненавидѣлъ и преслѣдовалъ; права духовенства онъ ограничивалъ только ради своего личнаго могущества, а вовсе не для пользы народа. Даже своего старшаго вольнодумнаго сына онъ устранилъ отъ престола, а назначилъ наслѣдникомъ вмѣсто него Мозаффиреддина. Правленіе Мозаффиреддина пока-что ужъ ознаменовалось преслѣдованіемъ евреевъ и христіанъ. — О реформаторскихъ наклонностяхъ эмировъ Афганистана и говорить не стоитъ: онѣ никогда не были серьезны и не имѣли большихъ результатовъ. — Наболѣе рвенія въ реформахъ выказалъ египетскій хедивъ Мохаммедъ-Алій (1811—1849); онѣ упали на благопріятную почву—въ умный народъ и въ страну, никогда не видѣвшую монгольскаго лихолѣтя и наименѣе пострадавшую отъ турецкаго хозяйничанья. Положимъ, что даже у египетскихъ хедивовъ больше любви было къ европейской роскоши, къ пріятнымъ внѣшнимъ формамъ и этикеткамъ европеизма, чѣмъ къ самой сути европейской цивилизаціи,—все таки у нихъ и доброй воли было наибольшее, и они одни благопріятно выдѣляются среди фигуръ остальныхъ восточныхъ властелиновъ новаго времени.

Отъ главы государства перейдемъ къ министрамъ, къ ихъ министерствамъ и вообще къ чиновничеству. Среди министровъ очень часто встрѣчались либеральные, образованные люди, проникнутые идеей прогресса: изъ числа ихъ заслуживаетъ доброй памяти Решидъ-паша—великій визирь Абдуль-Меджида — и особенно Мирза - Тагы - ханъ, полный

высокихъ идеаловъ визирь начала царствованія Насреддина-шаха *). Но въ подвѣдомственныхъ министрамъ „министерствахъ“, „департаментахъ“, „комитетахъ“, „совѣтахъ“, „бюро“ и т. п.—преобразованія и европеизмъ существуютъ только на бумагѣ, а порядки остались совершенно азіатскіе: всѣ эти турецкіе „эфенди“, „беи“, „паши“ преимущественно бездѣйствуютъ въ своихъ департаментахъ, занимаются куреньемъ трубки и питьемъ кофе, а неотложнѣйшія дѣла стоятъ. По окончаніи присутствія официальныя бумаги берутся еще на домъ, будто для работы, но обыкновенно онѣ дома даже не развертываются. Вамбери лично зналъ примѣры, что серіознѣйшія дипломатическія ноты, трактаты съ иностранными государствами или проекты законовъ терялись дома у важныхъ министерскихъ сановниковъ и потомъ отыскивались гдѣ-нибудь въ грязномъ бѣльѣ. До настоящаго времени порядки не измѣнились, вредная медлительность и отвратительная халатность турецкихъ чиновниковъ общеизвѣстны. Въ Персіи, пожалуй, халатной патріархальности не меньше, но не надо забывать, что Техранъ лежитъ въ глубинѣ Азіи, а Константинополь въ самой Европѣ.—Чиновники набираются и выдвигаются не по способностямъ, не по образованію, а по безцеремоннѣйшей протекціи. Протежируются большею частью тѣ люди, которые въ юности были пред-

---

*) Для насъ небезынтересно знать, что Мирза - Тагыханъ познакомился съ европейскою цивилизаціей въ Петербургѣ.

метомъ противоестественнаго порока *) у какого-нибудь высокопоставленнаго паши (многіе изъ важныхъ турецкихъ государственныхъ дѣятелей именно такъ начали свою карьеру); кромѣ того протезируются родственники, знакомые, „нужные люди“ и т. п., такъ что человѣкъ безъ способностей и безъ совѣсти легко получаетъ мѣсто въ какомъ-нибудь важномъ государственномъ учрежденіи, или отправляется для „кормленія“ въ провинцію въ качествѣ губернатора. Чего жъ можно ожидать отъ такой системы? Даже у наиболѣе высокопоставленныхъ турецкихъ чиновниковъ грубость нравовъ поразительна. Мы, напримѣръ, при всѣхъ усиліяхъ воображенія не могли бы себѣ представить, чтобы у насъ генераль-губернаторъ вздумалъ публично, въ присутствіи полутысячной толпы, лѣзть въ драку съ прокуроромъ,—чтобы ихъ разнимала публика, чтобы они со злости громко выкрикивали яростныя обѣщанія обвинить другъ друга передъ государемъ въ измѣнѣ, и чтобы въ заключеніе генераль-губернаторъ побѣждалъ просить заступничества передъ своимъ государемъ у какого-нибудь иностраннаго консула,—ну, хоть бы австрійскаго. Эта невообразимая для насъ сцена произошла въ ноябрѣ 1896 года въ Бейрутѣ, и послѣ драки генераль-губернаторъ (валій) Насухи-бей поѣхалъ къ русскому консулу просить ходатайства передъ султаномъ, даже не подозрѣвая, до какой степени его обращеніе къ

---

*) „Abscheuliche Werkzeuge eines entarteten Naturtriebes“ (Вамбери).

чужому консулу унизительно для чести его родины. И никого въ Бейрутѣ эта сцена не изумила: она въ порядкѣ вещей. Грубость нравовъ турецкихъ чиновниковъ проявляется также въ вымогательствахъ. Ни вымогательства, ни даже простая кража государственныхъ денегъ не считаются предосудительными, и само правительство закрываетъ на это глаза. Есть двѣ характерныя турецкія пословицы: „кто медь держитъ, тотъ и пальцы облизываетъ“ и „казна—море: кто имъ не пользуется, тотъ свинья“. Въ этомъ отношеніи одинаковы и свѣтскіе „реформированные“ чиновники, и чиновники обширнаго консервативнаго вѣдомства шейхъ-уль-ислама: хотъ эти послѣдніе смотрятъ на свѣтскихъ чиновниковъ, особенно на судей, какъ на нечестивыхъ похитителей правъ духовенства *), но ничуть не думаютъ соревновать съ ними въ правилахъ добродѣтели, а развѣ въ правилахъ порока. Кромѣ казнограбительства и вымогательства еще одна отличительная черта турецкаго чиновничества—чудовищная подкупность. Конечно, взяточничество процвѣтаетъ на всемъ Востокѣ, но въ Турціи гораздо больше, чѣмъ гдѣ-либо. Изъ-за него не существуетъ праваго суда, все равно, будетъ ли судить судья свѣтскій или его соперникъ кадый; при этомъ въ Персіи, Афганистанѣ и Средней Азіи можно еще, по крайней мѣрѣ, принести на обиду жалобу лично властелину,—въ Турціи обычай челобитныхъ упраздненъ.

---

*) До 1857-го г. судебныя дѣла были всецѣло въ рукахъ шейхъ-уль-ислама.

Взятки берутся и высшими и низшими служащими, при чемъ иногда смахиваютъ на простое нищенство: мнѣ извѣстны случаи, что цѣлые ящики революціонныхъ брошюръ пропускались турецкими таможенными за полмеджидіа (80 коп.), да и самъ я изъ личнаго опыта могу указать, что за безцензурный пропускъ сундука вѣсомъ въ 5—6 пудовъ, полного книгъ объ исламѣ и Турціи, т.-е. самага запрещеннаго содержанія, съ меня спросили на таможенѣ одинъ меджидій *). Почему взяточничество въ Турціи развито больше, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что турецкіе чиновники по цѣлымъ мѣсяцамъ не получаютъ отъ Порты жалованья. А не получаютъ его потому, что у самой Порты нѣтъ денегъ. Главная часть государственныхъ доходовъ Турціи взимается съ крестьянскаго населенія, а оно—обнищало; земледѣліе производится чуть ли не допотопными орудіями; орошеніе и другія условія, необходимыя для земледѣлія, пали въ силу турецкаго хозяйничанья; путей сообщенія по сушѣ для вывоза хлѣба нѣтъ; система сбора податей въ высшей степени истощительна: самые существенные сборы (съ нѣкоторыми слабыми ограниченіями) пускаются государствомъ на откупъ, главные откупщики отъ себя пересдають сборъ пошлинъ на откупъ другимъ, болѣе мелкимъ откупщикамъ, а тѣ—опять въ третьи руки, и въ результатѣ выходитъ, что при сборѣ

---

*) Впрочемъ, вмѣсто подкупа я предпочелъ обратиться къ помощи русскаго консула.

податей совершенно грабят крестьянина, отнимая у него часто даже послѣднюю одежду. На крестьянина-мусульманина разорительно дѣйствуетъ и воинская повинность: христіанинъ, не имѣя права служить въ войскѣ, вноситъ за себя денежный выкупъ, а мохаммеданинъ долженъ лично отбывать повинность, и бѣдная крестьянская семья часто лишается единственнаго своего работника. Понятно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни крестьянина доходы Порты съ населенія не могутъ быть велики, а такъ какъ соразмѣрять расходо́въ съ приходами Порты не умѣетъ, то дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ растетъ изъ году въ годъ въ исполинскихъ размѣрахъ. У Порты есть огромные долги, она съ ними никакъ расквитаться не можетъ, и приходится главную часть государственныхъ доходовъ употреблять на выплату процентовъ; а остальные деньги тратятся неразумно. На содержаніе султанскаго двора и харема идутъ чудовищныя суммы *); много идетъ на такъ называемое непредвидѣнные расходы; съ своей стороны важнѣйшіе сановники грабятъ казну напропалую; изъ той мизерной суммы, которая остается на жалованье, получаютъ свою плату (съ надбавками, наградными и т. п.) лица вліятельныя и ихъ про-

---

*) Въ виду турецкой безалаберщины и желанія скрыть отъ европейцевъ несчастное состояніе турецкихъ финансовъ, очень трудно узнать *въ точности* цифру государственныхъ приходовъ и расходо́въ. Во всякомъ случаѣ отмѣчаютъ, что изъ 500 милліоновъ прихода берется 150 милліоновъ на содержаніе султанскаго двора.

теже, а на жалованье остальнымъ, невліятельнымъ, болѣе мелкимъ чиновникамъ денегъ уже не хватаетъ, и хорошо еще, если имъ удастся изъ своего годового жалованья получить хоть одну треть. Вотъ почему взяточничество, самое нищенское, является въ Турціи вещью неизбѣжною, честный чиновникъ умереть съ голоду. Въ Персіи и другихъ частяхъ мусульманской Азіи финансовыя дѣла обстоятъ иначе. Тамъ кромѣ чиновничества и крестьянства, существуетъ еще многочисленный средній классъ—ремесленниковъ и купцовъ, не нуждающихся въ жалованьи отъ государства, а наоборотъ—дающихъ государству значительную подать (въ Турціи, напротивъ, всякій стремится сдѣлаться чиновникомъ и жить насчетъ казны). Въ тѣхъ странахъ не существуетъ государственнаго бюджета, шахъ или эмиръ распоряжается всею по своему усмотрѣнію, но такъ какъ тамъ нѣтъ также ни гроша государственныхъ долговъ, то не приходится урѣзывать казну для уплаты процентовъ, и на жалованье чиновникамъ (притомъ менѣе многочисленнымъ, чѣмъ въ Турціи) денегъ всегда хватаетъ. Вотъ почему тамошнее взяточничество, какъ оно ни покажется возмутительнымъ на взглядъ европейца, не можетъ сравниться съ турецкимъ.

Для довершенія картины государственнаго устройства исламскихъ странъ скажемъ еще о современномъ войскѣ. Въ Турціи оно переустроено по европейскому образцу, но, несмотря на кадетскія школы и долгое руководство европейскихъ военныхъ, талантливые турецкіе офицеры и командующіе порази-

тельно рѣдки, и турецкое войско не можетъ обойтись безъ руководства офицеровъ нѣмецкихъ; къ числу рѣдкихъ исключеній принадлежитъ герой Плевны Османъ-паша и еще, какъ стараются увѣрить турки, Эдхемъ-паша *). Вслѣдствіе недостатка финансовъ и нечестности начальства турецкое войско всегда ходитъ оборванное, босое и голодное, особенно въ провинціяхъ **); поэтому, если султанъ или какой-нибудь паша отдастъ солдатамъ приказаніе грабить, напр., армянъ, то неудивительно, что ни малѣйшаго колебанія, замедленія и жалости не бываетъ. Когда, два года назадъ, понадобилось привезти солдатъ въ Сирію для усмиренія возставшихъ Хоранскихъ друзовъ, то турецкихъ воиновъ, словно барановъ, не кормили во все время переѣзда изъ Салоникъ въ Бейрутъ, и нѣкоторыя христіанки-бейрутинки признавались, что у нихъ при взглядѣ на несчастное войско навертывались слезы на глаза. Въ Хоранѣ большая часть солдатъ погибла отъ го-

---

*) Онъ блистательно побѣдилъ грековъ въ послѣдней войнѣ. Но побѣда надъ греками не можетъ еще свидѣтельствовать о военныхъ талантахъ Эдхема, потому что нынѣшніе эллины—образчикъ трусости и воинскаго ничтожества. По окончаніи войны Аѳинскій военный судъ объявилъ *болѣе чѣмъ ста* офицерамъ процессъ по обвиненію въ трусости. Хвастовство побѣдой надъ такими противниками заставляетъ вспомнить арабскую пословицу: „Плохая похвала мечу, если ты скажешь, что онъ острѣе палки“. Впрочемъ по происхожденію Эдхемъ-паша не турокъ.

**) Въ Константинополѣ, гдѣ войско участвуетъ въ парадахъ, оно имѣетъ болѣе приличный внѣшній видъ. Но содержится и тамъ плохо.

лода и болѣзней; даже возставшіе друзья въ первое время совѣстились стрѣлять въ это больное и голодное „войско“ *). При хорошихъ условіяхъ турецкая армія дѣйствуетъ храбро, какъ это мы видѣли въ недавнюю греко-турецкую войну; но вѣдь на тотъ разъ войско было поставлено, въ видѣ исключенія, хорошо: султанъ для его экипировки отпустилъ деньги изъ своихъ средствъ, да и не потребовалось большихъ тратъ. Однако, если случится у Турціи война посерьознѣе, которая затянется и потребуеъ большаго набора солдатъ, то положеніе войска будетъ самое неутѣшительное.— Слѣдуетъ о турецкомъ войскѣ добавить еще, что оно—въ сущности—только сухопутное; можно сказать, что флота у Турціи нѣтъ, и нѣсколько искалѣченныхъ пароходовъ, обыкновенно неспособныхъ пройти даже версту, возбуждаютъ всеобщій смѣхъ.—Какъ все это ни карикатурно, но въ Персіи войско гораздо карикатурнѣе. Возрастъ солдатъ — отъ 14 до 60 лѣтъ, такъ что отецъ, сынъ и внукъ часто служатъ въ одномъ полку. Военная форма—смѣшанная: на головѣ или прусская каска, или персидская баранья шапка; обувь — туфли на босыхъ ногахъ; при Вамбери вмѣсто мундира надѣвался только патронташъ да ременный приборъ; прямо на грязный синій балахонъ, а теперь, по словамъ Мисль-Ростема **), употребляется ужъ и на-

---

*) Такъ сообщаютъ друзья Ливанскіе, хорошо осведомленные о положеніи дѣлъ.

**) Издавна въ прошломъ году описаніе Персіи въ эпоху Насреддина-шаха.

стоящій мундиръ (австрійскій), но онъ надѣвается такъ, что изъ-подъ него выглядываетъ туземный нарядъ. Солдатамъ персидскимъ выдается жалованье деньгами, но оно ничтожно, и при томъ офицеры умудряются украсть изъ него половину или двѣ трети. Поэтому солдаты принуждены жить не въ казармахъ, а въ семьѣ и заниматься мелкою торговлей и всякими ремеслами и работами, чтобы имѣть средства къ жизни; службѣ посвящается не болѣе часа въ сутки. Вамбери наблюдалъ такія сцены: часовой передъ домомъ какого-нибудь офицера продаетъ арбузы и расхваливаетъ ихъ передъ покупателями до небесъ; вдругъ выходитъ офицеръ, — часовой быстро кладетъ арбузы на землю и отдаетъ честь. Во избѣжаніе кражи, ружья не остаются у солдатъ на рукахъ, а хранятся въ складахъ; особенно охотно крадутся ружейные шомполы, какъ вещь, удобная для жаренья шашлыковъ. Надъ артиллеріей есть три начальника: надъ людьми, надъ орудіями и надъ лошадьми; если желательно составить батарею, то необходимо во-1-хъ согласіе всѣхъ трехъ начальниковъ, а во-2-хъ — нужно сообразоваться съ намѣреніями шахскихъ женъ, потому что лошади артиллеріи — въ то же время и лошади высочайшаго харема. Отъ наказаній — ударовъ палками по пяткамъ — не избавлены даже офицеры, до полковника включительно, и наказаніе производится въ присутствіи подчиненныхъ. Отличаясь непомѣрнымъ хвастовствомъ, персидскій военный въ то же время непомѣрный трусъ: пока Россія не овладѣла Туркестаномъ и Мервомъ, не рѣдкостью

были факты вродѣ случившагося въ Мервѣ, когда горсть туркменскихъ аламанщиковъ (грабителей) напала на шахское войско, легко овладѣла имъ, и затѣмъ офицеры и солдаты, связанные попарно, потащены были вмѣстѣ съ пушками въ плѣнъ. — Въ Афганистанѣ войско устроено почти вполнѣ по-азіатски, но оно и безъ реформъ сильно храбростью воинственнаго афганскаго народа. — Наиболѣе удачно развивалось войско египетское. И Мохаммедъ-Аліѣ, и его преемники не жалѣли тратъ, лишь бы поставить своихъ солдатъ образцово, а Саидъ дошелъ до такого увлеченія, что каждаго солдата своей гвардіи надѣлилъ золотымъ хронометромъ и увѣшалъ тяжелыми золотыми галунами. Но теперь о египетскомъ войскѣ не къ чему распространяться, такъ какъ судьба самостоятельности Египта уже рѣшена: онъ попалъ въ руки англичанъ, и надо полагать, что къ *своему* *) счастію останется навсегда въ ихъ рукахъ.

Отъ описаннаго государственнаго строя самостоятельныхъ мусульманскихъ владѣній терпятъ всѣ подданные, но круче всего приходится турецкимъ христіанамъ. Лишенные правъ, вѣчно под-

---

*) Подчеркиваю слово „своему“, такъ какъ оккупация Египта есть въ сущности самое полное беззаконіе. Съ точки зрѣнія русской политики продолженіе этой оккупации вовсе нежелательно: отъ этого вѣдь терпитъ въ своихъ правахъ другъ Россіи—Франція.

вергаемые грабежамъ, они, сверхъ того, не избавлены отъ страха за свою жизнь. Чтѣ происходитъ съ несчастными армянами, всѣмъ извѣстно; всѣмъ извѣстно также, что виновники звѣрствъ не только не терпятъ наказанія, но, напротивъ, получаютъ награды отъ правительства. Даже въ Сиріи, въ странѣ, которая болѣе другихъ турецкихъ провинцій считается безопасною для христіанъ, мусульманинъ, убившій христіанина, остается безнаказаннымъ: сначала, по настоянію какого-нибудь консула, онъ будетъ посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ, дня черезъ три, выпущенъ турецкими властями на волю (если можно съ него сорвать взятку, то за взятку), и всѣмъ извѣстный убійца гордо рассказываетъ, на примѣръ, по такой многолюдной площади, какъ бейрутскій Бюржъ.

Внутренній бытъ.

Охарактеризовавши современный государственный строй исламскихъ странъ, перейдемъ къ ихъ внутреннему быту: коснемся современной семьи, школы, образованности и литературы, промышленности и торговли.

а) Семья.

Отличительные признаки мусульманской семьи— право многоженства и харемъ. Право многоженства въ сущности не имѣетъ большого вліянія на жизнь

исламскихъ народовъ. Кто имъ пользуется? Тотъ, у кого есть деньги, т.-е. высшіе и богатые классы. Но и въ христіанскихъ странахъ тѣ же классы оказываются *de facto* многоженцами, — значитъ, причину разврата знатныхъ и богатыхъ мусульманъ надо искать въ экономическихъ условіяхъ ихъ жизни, а не въ религіозномъ узаконеніи многоженства. Въ новѣйшее время многоженство, въ европеизированной формѣ — посѣщенія домовъ терпимости, стало проникать и въ средніе мусульманскіе классы, тронутые французскою цивилизаціей *). Но простые мусульмане держатся одной жены и не пользуются правомъ многоженства; даже разводъ, такой легкій по мусульманскому закону, у нихъ происходитъ рѣдко. Истинное зло мохаммеданскаго семейнаго строя, источникъ разврата и умственной косности, это — харемъ. Женщина считается рабыней или вещью, которую, во избѣжаніе потери, нужно держать подъ замкомъ или, по крайней мѣрѣ, вдали отъ постороннихъ глазъ; поэтому домъ раздѣляется на двѣ

---

*) Во всей печати Востока, одинаково — консервативной или либеральной, можно почти ежедневно встрѣтить жалобы на упадокъ нравственности, на распространеніе болѣзней, которыхъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ были на востокѣ неизвѣстны, и т. п. Арабская газета „Любпân“ въ одномъ изъ прошлогоднихъ номеровъ (№ 215) особенно горько жалуется на это. Къ чести мусульманъ нужно сказать, что ихъ средній классъ, даже познакомившись съ французскими нравами, посѣщаетъ лупанары во много разъ меньше, чѣмъ „просвѣтившіеся“ восточные христіане, хотя похотливость у мусульманъ развита гораздо сильнѣе, чѣмъ у христіанъ.

половины: одна—доступная гостямъ, „гостиная“ *), другая — харемъ, т.-е. „заповѣдное мѣсто“ **). Нарушить святость харема, т.-е. полюбить какую-нибудь чужую женщину — тяжелое преступленіе. И вотъ однимъ изъ первыхъ послѣдствій харема было то, что мусульманскіе мужчины, не имѣвшіе своего харема и не желавшіе рисковать своею жизнью въ чужихъ харемахъ, усвоили византійскій и персидскій порокъ: мужеложство. Постепенно этотъ порокъ отъ болѣе бѣдныхъ людей широко распространился и среди богатыхъ, потому что онъ дѣлался все болѣе и болѣе естественнымъ: вслѣдствіе затворничества мусульманская женщина отупѣла, и составилось убѣжденіе, что высокою любовью въ такую дуру, какъ женщина, влюбиться нельзя, а красивый, умный и отзывчивый мальчикъ дѣйствительно „похищаетъ сердце“ ***). Полныя высокаго неподдѣльнаго лирическаго чувства произведенія Хафиза посвящены мальчикамъ ****). И въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ раздѣльная жизнь двухъ половъ вредно отражается на нравственности обо-

---

*) „Селямликъ“—у турокъ и арабовъ, „михман-хане“—у персовъ.

**) У персовъ харемъ называется просто „эндерун“, т.-е. внутреннее помѣщеніе.

***) Ахъ, какъ часто приходится мнѣ слышать это мнѣніе даже отъ людей европеизированныхъ!

****) Извѣстный психіатръ Крафтъ-Эбингъ, признавая позывъ къ мужеложству у европейцевъ за психопатію, находить, что на востокъ оно можетъ считаться отчасти за нормальное явленіе. См. *Psychopathia sexualis* (Штуттгартъ 1893). стр. 436.

ихъ половъ. Мужчины въ своей компаніи, не стѣсняемые женскимъ обществомъ, ведутъ длинные, грязные разговоры очень часто, а гнуснѣйшія выраженія и ругательства сыплются въ обыденной рѣчи постоянно. Присутствіемъ мальчиковъ не стѣсняются: они вѣдь того же пола: — и фантазія мусульманскаго ребенка съ дѣтства возвращается въ области похоти *). Тѣ же печальныя послѣдствія видны и въ женскомъ обществѣ. По словамъ Вамбери, бываетъ просто мучительно — подслушать случайно разговоръ какой-нибудь старой матроны и молодой дѣвушки на тему, которая заставила бы покраснѣть наихудшую европейскую развратницу. Тайны супружеской жизни разоблачаются тутъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ присутствіи дѣтей, и немудрено, что мусульманскія дѣвочки четырехъ—пяти лѣтъ выражаются скабрёзнѣйшимъ языкомъ. Такія условія воспитанія кладутъ на лицо мусульманина особый грубо-сладострастный отпечатокъ, по которому мало-мальски опытный наблюдатель всегда безъ ошибки опредѣлитъ его религію **).—

---

*) Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ отецъ-мусульманинъ, присутствуя при перебранкѣ своего маленькаго сына съ мальчикомъ-христіаниномъ, подсказывалъ ему такія ругательства, какихъ тому во-вѣкъ не слѣдовало бы знать.

**) Ошибки бываютъ, напр., въ такомъ родѣ: одинъ мой знакомый арабъ-христіанинъ, съ довольно животнымъ выраженіемъ лица, былъ принятъ горцами за мусульманина. Наоборотъ, русскаго каваса въ Бейрутѣ — Мохаммеда, который такого выраженія лица не имѣетъ, всѣ постоянно считаютъ за христіанина.

Самая же главная бѣда отъ harema—та, что онъ—разсадникъ яркой вражды къ прогрессу и реформамъ. Женщина вездѣ консервативна по отношенію къ стариннымъ обычаямъ и привычкамъ, а мусульманская женщина вслѣдствіе узкости ея кругозора—въ особенности; кромѣ того, въ harema всегда имѣютъ вліяніе разные домашніе муллы, противники всего новаго. Ребенокъ до десяти лѣтъ проводитъ большую часть времени въ harema и безпрестанно слушаетъ, какъ осуждаютъ отца, который вздумалъ ввести европейскія перемѣны въ устройствѣ селямлика, въ одеждѣ, въ образѣ жизни и т. п. Ребенокъ безсознательно впитываетъ отвращеніе ко всему, что идетъ отъ гяуровъ, и потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, съ трудомъ отдѣлывается отъ этого воззрѣнія, особенно если онъ — не любящій мыслить турукъ... — Harema въ обычномъ смыслѣ этого понятія, равно какъ правило закрывать лице женщины покрываломъ, существуетъ не вездѣ у мусульманъ. Народы, очень мало цивилизованные, напр. курды (кромѣ высшихъ сословій), китайскіе мусульмане (дунганы и таранчи) и др., не знаютъ harema, потому что при ихъ образѣ жизни онъ неудобенъ. Особенно свободна женщина у арабовъ-бедуиновъ,—оттого бедуинка славится умомъ и энергіей *), а противоестественные пороки не распространены среди ихъ мужчинъ; что же касается арабовъ осѣдлыхъ, то у нихъ harema есть, но стѣсните-

---

*) У бедуиновъ есть множество сказокъ о женскомъ умѣ. Напоминающихъ нашу сказку о семилѣткѣ.

лень онъ и приносить вредныя послѣдствія только въ большихъ городахъ или у высшихъ классовъ общества. Настоящій харемъ, со всѣми его пагубными послѣдствіями, процвѣтаетъ въ Турціи и Персіи. Нельзя сказать, чтобы нѣкоторые мусульмане не понимали зла, проистекающаго отъ харемовъ, и не сознавали потребности преобразовать ихъ. Въ Персіи за освобожденіе женщины ратовала сильная секта бабидовъ. Но это, пожалуй, были еретики. За-то у насъ на Кавказѣ бакинскій нефтепромышленникъ Тагіевъ, ходатайствуя передъ попечителемъ въ апрѣлѣ 1896-го года о разрѣшеніи открыть школу для мусульманскихъ дѣвочекъ, выразился такъ: „замкнутость мусульманской женщины и вытекающее отсюда несознаніе ея своихъ человѣческихъ правъ держится на *мнимо*-религіозной основѣ“, „харемъ *искусственно* введенъ въ составъ предписаній шаріата нравами и обычаями нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ азіатскихъ народовъ“. Исторически это несправедливо: харемъ предписанъ самимъ Мохаммедомъ по случаю невѣрности Аиши; но стремленіе Тагіева сдѣлать это учрежденіе неканоническимъ—знакъ времени. Мужья нѣкоторыхъ знатныхъ арабовъ - бейрутинокъ позволяютъ имъ приходить на публичныя засѣданія „Литературно - научнаго общества“. Въ Константинополѣ тоже бывали случаи, что мужъ-прогрессистъ старался освобождать своихъ женъ отъ харемныхъ стѣсненій. Но едва ли можно ждать быстрыхъ перемѣнъ въ этой области, особенно у турковъ. Напримѣръ, въ романѣ турецкаго прогрессиста Намыкъ-Кямаль-бея: „Приклю-

ченія Али-бея“ харемные порядки описаны съ большою, хоть бессознательною симпатіей.

Для характеристики тюркскихъ воззрѣній на свободу женщины поучительно сочиненіе муллы му-дерриса Баязитова,—человѣка, который въ другихъ отношеніяхъ является очень либеральнымъ: стоитъ за свободу науки въ исламѣ, вооружается противъ религіозной нетерпимости и фанатизма и т. п. Со-чиненіе это: „Отношенія ислама къ наукѣ и къ ино-вѣрцамъ“ (С.-Петербургъ, 1887). Мулла Баязитовъ не соглашается съ мнѣніемъ европейцевъ, будто у мусульманъ женщина занимаетъ низкое положеніе. Вѣдь у христіанъ,—говоритъ онъ,—невѣста прино-ситъ съ собою въ домъ приданое, а у мусульманъ, наоборотъ, женихъ платитъ за невѣсту калымъ,— „послѣ этого не логичнѣе ли (sic!) сказать, что у мусульманъ женщина стоитъ выше, чѣмъ у евро-пейцевъ?“ (ст. 73). „Деспотизмъ мужей надъ же-нами проявляется у мусульманъ лишь въ ихъ фи-зическихъ отношеніяхъ, такъ какъ мужья, при сво-ихъ *весьма естественныхъ* требованіяхъ, *никогда* не принимаютъ во вниманіе отговоры женъ, подъ пред-логомъ нерасположенія, разстройства нервовъ и т. п.“ (ст. 72). „Что же касается запрещенія жен-щинамъ доступа въ общество мужчинъ, то оно съ точки філософскаго взгляда совершенно разумно. *Каждому* понятно, что этотъ свободный доступъ женщинамъ всюду — *ничто иное*, какъ проповѣдь соблазна и подготовка почвы для посѣва любви“ (стр. 73). Вотъ почему мулла Баязитовъ не только не желаетъ измѣненія судьбы мусульманской жен-

щины въ европейскомъ духѣ, но, напротивъ, жалѣ-
еть объ участи европейцевъ, не знающихъ харема.
„Стоить европейской женщинѣ увлажнить глазки
свои слезками,—она изглаживаетъ всѣ свои ошибки,
и общество мало-по-малу свыкается и смотритъ на
ея недостатки и ошибки со снисхожденіемъ, какъ
на дѣтскій проступокъ“ (стр. 74). Нѣкогда Морьеръ
сообщалъ, что одному персіянину европейская жен-
щина, разговаривающая съ мужчинами, предста-
влялась сукою, за которою бѣгаютъ псы. Ученый
петербургскій мулла тоже склоненъ къ мысли, что
европейское общество напоминаетъ собою „свобод-
ныя стаи самцовъ и самокъ“ (стр. 74). Онъ даетъ
европейцамъ благой совѣтъ — ввести, если не без-
условное харемное заключеніе, то хоть нѣчто по-
добное, и видитъ въ этой мѣрѣ хорошее лѣкарство
противъ современной нервности: „Сколько бѣдствій
было бы устранено! статистика дала бы намъ менѣ
душевно-больныхъ и самоубійцъ!“ (стр. 75). Введе-
ніе такихъ мѣръ слѣдуетъ, по мнѣнію муллы Ба-
язитова, не откладывать въ долгій ящикъ: „Уста-
новила же юрисдикція законы о нарушеніи чужой
собственности. Развѣ жены дешевле драгоцѣнныхъ
металловъ и движимости? Почему же образованный
міръ такъ индифферентно, чуть не съ усмѣшкой
относится къ тѣмъ оскорбленіямъ, которымъ под-
вергается ежедневно достоинство мужей?“ (стр. 76).

б) Школа, образованность, литература.

Школьному дѣлу исламъ изстари благопріят-
ствовалъ, и даже теперь самая маленькая мусуль-

манская деревня не лишена школы. Основать училище всегда считалось дѣломъ богоугоднымъ, потому что главная цѣль мусульманскаго школьнаго преподаванія — научить ребенка чтенію Корана и необходимымъ молитвамъ. Сосредоточенное при мечетяхъ, преподаваніе со временъ халифовъ было всегда въ рукахъ духовенства (улемовъ). Установилось два рода школъ: 1) *мектебъ* — начальная школа, гдѣ приходскій имамъ училъ чтенію, а если бывала охота, то и письму; 2) *медресе* — родъ духовной семинаріи, устраиваемой при большихъ мечетяхъ на счетъ вакфа (церковнаго имущества); преподаватели такихъ училищъ назывались „модерисы“, а ученики — или арабскимъ словомъ „талибъ“ („ищущій“, т.-е. знанія), или персидскимъ словомъ „сухтѣ“ („сожженный“, т.-е. любовью къ наукѣ), откуда вышло турецкое „софтá“. Эти два средневѣковыхъ типа школъ держались до настоящаго вѣка во всемъ мусульманскомъ мірѣ, отъ Малайскаго архипелага до Варварійскихъ владѣній. Теперь въ нѣкоторыхъ странахъ произошли измѣненія въ школьномъ дѣлѣ, а въ другихъ, по старому, единственными разсадниками просвѣщенія и литературныхъ вкусовъ являются все тѣ же мектебы и медресы, руководимые обыкновенно невѣжественными учителями-духовными.

Въ Турціи Махмудъ II, желая имѣть офицеровъ, подобныхъ европейскимъ, и военныхъ врачей, основалъ въ Константинополѣ военную Императорскую академію и медицинскую Императорскую школу, которыя и теперь прозябаютъ. Это было первое

нововведеніе въ школьномъ дѣлѣ. Абдуль-Меджидъ въ 1846 г. составилъ свѣтскую „палату народнаго просвѣщенія“ и отнялъ мектебы у духовенства, оставивши ему (значить, шейхъ-уль-исламу) только медресы, принявшія съ тѣхъ поръ значеніе духовныхъ семинарій. Въ 1869 г. Абдуль-Азизомъ установленъ законъ о школахъ государственныхъ и частныхъ. Частныя не исключены изъ-подъ министерскаго надзора, но въ планъ преподаванія министерство не мѣшается, и вотъ къ числу частныхъ школъ были отнесены и медресы, которыя перестали и не желаютъ прогрессировать, продолжаютъ упорно держаться средневѣковой программы и вырабатываютъ изъ своихъ софѣ (семинаристовъ) цвѣтъ мусульманскаго фанатизма. Что касается школъ правительственныхъ, то по указу 1869 года ихъ должно бы быть множество—и высшихъ, и среднихъ, и низшихъ;—но, какъ водится, только самая маленькая часть обѣщаній осуществлена *). Обыкновенно турецкія правительственныя школы принадлежатъ къ низшему разряду. Однѣ изъ нихъ—совсѣмъ начальныя, для малыхъ дѣтей: „мектеби сыбъян“, оказывающія ту же услугу, что и старинныя мектебы. Другія—„мектеби рушдійе“—родъ нашихъ „городскихъ двухклассныхъ училищъ“, съ преподаваніемъ турецкой, арабской и персидской грамматики; обученіе въ нихъ ведется неумѣло, по-

---

*) На бумагѣ, однако, (въ государственныхъ отчетахъ, напр.) показывается существованіе въ Турціи самыхъ блестящихъ храмовъ науки.

тому что способныхъ и знающихъ учителей нѣтъ. Немного больше, чѣмъ въ рушдійе, дается знаній въ кадетскихъ корпусахъ; кромѣ нихъ, есть также начальныя военныя школы. Среднеучебныхъ заведеній такихъ, какъ гимназій и т. п., въ Турціи почти не имѣется, да и то, что есть (въ Константинополѣ), считается за школы высшія, а не среднія; для большинства учащихся турокъ среднее образованіе ограничивается прохожденіемъ курса рушдійе и т. п. *). Кто въ Константинополѣ, тотъ можетъ получить образованіе и получше—или въ школахъ специальныхъ, напр. въ медицинской, чиновничьей, инженерной, учительской, — или же, напр., въ заведеніи съ довольно широкою среднеобразовательною программой — „султанскомъ лицѣ“**) и въ другихъ подобныхъ школахъ, среди которыхъ инны имѣютъ претензію играть роль университетскихъ факультетовъ. Какъ видимъ, тѣ османы, которые учатся только въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, не имѣютъ основаній славиться своимъ образовательнымъ цензомъ***). Отправляются турки для

---

*) Да и такіе люди немногочисленны. Масса коснѣетъ въ самомъ темномъ невѣжествѣ.

**) По турецки „Мектеби Султані“. Открытъ въ 1868 г. для всѣхъ вѣроисповѣданій, съ европейскимъ преподаваніемъ на французскомъ языкѣ. Большинство учащихся — не турки, а греки, армяне, евреи, сербы и др. (То же явленіе замѣчается въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ).

***) Но, какъ это свойственно всѣмъ полуобразованнымъ людямъ, они полны тупого самодовольства своими знаніями. Однажды я скептически проговорился передъ однимъ изъ нихъ: „Да развѣ можно чему-нибудь выучиться въ вашихъ

обученія и за границу, въ европейскіе университеты, гдѣ обыкновенно дѣлаются т. н. „младотурками“ *). Но только самая малая часть ихъ бываетъ въ состояніи воспользоваться европейской университетскою наукой, какъ слѣдуетъ, и сдѣлаться истинно образованными людьми; у другихъ нѣтъ для этого ни подготовки, ни—зачастую—прилежанія: хорошо еще, если хоть общее прогрессивное направленіе университетовъ увлекаетъ ихъ и даже впослѣдствіи не перестаетъ полезно отражаться въ ихъ дѣятельности.—Умственному уровню турецкаго общества соотвѣтствуетъ и литература. До-реформенная турецкая письменность состояла главнымъ образомъ или изъ схоластическихъ ханжескихъ произведеній общеисламскаго типа, или изъ буквальныхъ подражаній старымъ персидскимъ и арабскимъ поэтамъ, романистамъ и т. п. И въ настоящее время не прекратилось составленіе произ-

---

школахъ! Что такое ваши школы, даже наивысшія!“ На это мнѣ данъ былъ отвѣтъ въ самомъ побѣдоносномъ тонѣ: „у васъ въ Россіи учатъ ли *физику*?!... А?!... Ну, а у насъ ее учать!“

*) Въ послѣднее время терминъ „младотурки“ употребляется довольно сбивчиво. Такъ слѣдуетъ называть партію, помогающую переустройства Турціи въ европейскомъ духѣ; въ новѣйшее время она высказываетъ готовность допустить распространеніе реформъ даже на немусульманъ. Она, разумѣется, стоитъ въ оппозиціи къ турецкому правительству. Но есть въ Турціи еще другая оппозиція—консервативная, недовольная на султановъ за самыя мелкія нововведенія. Газеты иногда и эту оппозицію начинаютъ называть „молодою Турціей“!

веденій въ прежнемъ родѣ, особенно въ письменности духовной. Наряду съ этимъ существуетъ и новая литература. Она старается подражать европейской и пропагандировать европеизмъ. Успѣшнѣ всего развилось газетное дѣло *), но содержательности въ большинствѣ турецкихъ газетъ искать нечего. И въ фельетонахъ, и въ отдѣльныхъ изданіяхъ переводятся пошлые французскіе романы, а по образцу ихъ пишутся и свои,—топорныя подражанія. Необразованности масса. Въ ходу порнографія. Общее впечатлѣніе отъ турецкой современной литературы прежде всего бываетъ рѣзко непріятнымъ, и только постепенно изъ-подъ печатнаго хлама вынырываетъ одно или другое симпатичное явленіе,—напр., переводы и передѣлки книгъ научныхъ, историческихъ и вообще полезныхъ для чтенія; какъ жаль только, что онѣ не находятъ читателей! Одно обстоятельство мы можемъ отмѣтить съ интересомъ: у образованныхъ турокъ находятъ спросъ переводы изъ русскихъ писателей, въ русской литературѣ переходнаго времени они видятъ много знакомыхъ имъ типовъ: въ „Героѣ нашего времени“ они узнаютъ себя, изъ перевода „Демона“ многія мѣста цитируются наизусть, въ „Горѣ отъ ума“ усматриваютъ свои современные нравы **).

У арабскаго племени уровень образованія стоитъ

---

*) Журналовъ турки не имѣютъ: нѣтъ потребности.

**) Замѣтимъ, что въ турецкомъ переводѣ этой комедіи сдѣланы маленькія измѣненія, которыя позволяютъ турку впасть въ полную иллюзію насчетъ мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе.

во многихъ отношеніяхъ выше, чѣмъ у турокъ. Хуже, чѣмъ у другихъ арабовъ, поставлено офіціальное образованіе въ тѣхъ арабскихъ областяхъ, которыя находятся подъ турецкимъ владычествомъ; Турція и для господствующаго народа сдѣлала мало, а объ арабахъ, этомъ нелюбимомъ дѣтищѣ, заботится несравненно меньше. Поэтому Аравія не вышла еще изъ средневѣковаго состоянія, а Сирія (съ Палестиной) обязана своимъ развитіемъ никакъ не Турціи, но отчасти энергіи отдѣльныхъ богатыхъ лицъ изъ патріотовъ-арабовъ, которые основываютъ свои школы, отчасти (и это больше всего) — дѣятельности пріѣзжихъ христіанскихъ миссіонеровъ *). Больше всего потрудились для Сиріи миссіонеры американскіе и англійскіе: сверхъ множества низшихъ школъ, основанныхъ въ каждомъ болѣе крупномъ селѣ, они — именно американцы — создали въ Бейрутѣ (1866) „Сирійскую протестантскую коллегію“, состоящую изъ „университета“ т.-е. среднеучебнаго заведенія **), и изъ медицинскаго факультета. Первые ***) профессора, пріѣхавшіе изъ Америки, по-

---

*) Въ Сиріи и Палестинѣ значительная часть арабовъ — христіане, и цѣль западныхъ миссій — облегчать ихъ положеніе, а при случаѣ обращать изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе. Мусульманъ обращать въ христіанство не позволяютъ турецкіе законы.

**) Такъ какъ въ Турціи среднеучебными заведеніями оказываются мелкія рушдійе, то школа американцевъ, дающая аттестаты зрѣлости, не могла быть иначе названа какъ „университетъ“.

***) Ихъ нынѣшніе преемники на нихъ не похожи и почти изгнали арабскій языкъ изъ коллегіи.

старались совсѣмъ обарабиться: изучили арабскій языкъ лучше всякаго ученѣйшаго араба, такъ-что не только преподавали на немъ и составляли учебники и другія книги по своей спеціальности, но сдѣлались также видными арабскими литераторами и патріотами; и они лично, и сформированная ими школа писателей занялись пересадкой европейской науки на арабскую почву, равно какъ возбужденіемъ интереса къ богатѣйшей арабской литературѣ, которую арабы Сиріи начали было забывать. Примѣру протестантскихъ миссіонеровъ въ нѣкоторой степени послѣдовали ихъ соперники іезуиты: и они также окинули всю Сирію сѣтью низшихъ школъ съ преподаваніемъ на арабскомъ языкѣ, а въ Бейрутѣ основали (но ужъ съ французскимъ преподаваніемъ) „Университетъ св. Іосифа“, въ которомъ есть двѣ среднихъ школы (свѣтская коллегія и семинарія) и медицинскій факультетъ; на основательное преподаваніе арабскаго языка іезуиты обращаютъ усиленное вниманіе, а ихъ типографія издала немало очень интересныхъ памятниковъ старинной арабской литературы; отъ учениковъ у нихъ нѣтъ отбою. Мусульмане посѣщаютъ христіанскія школы сравнительно въ небольшомъ количествѣ *), но такъ какъ

---

*) Обыкновенно они открываютъ свои собственныя школы, въ которыхъ стараются подражать программѣ европейцевъ (такъ же поступаютъ иногда и православные). Впрочемъ въ послѣднее время нѣкоторыя миссіонерскія школы открываются въ разныхъ пунктахъ страны по ходатайству самихъ же мусульманъ. Лучшее изъ іезуитскихъ учреждений—бейрутскій коллежъ—имѣетъ мусульманъ небольшой процентъ по

литература арабовъ-мусульманъ и арабовъ-христіанъ одна и та же, то идеи, введенныя европейцами, не могутъ оставаться собственностью однихъ только арабовъ-христіанъ или только тѣхъ мусульманъ, которые учились въ христіанскихъ школахъ. — Центръ арабской образованности и арабской литературной жизни въ настоящее время — Египетъ. Даже средневѣковая схоластическая школа стоитъ тамъ на высотѣ: старинная арабская наука, — смѣсь богословія съ математикой, медициной и др., до сихъ поръ процвѣтаетъ въ медресе при мечети Азгаръ. Эта медресе слыветъ за академію благочестиваго мусульманскаго Востока, и въ нее стекаются (неподготовленные впрочемъ) студенты изъ самыхъ отдаленныхъ странъ исламскаго міра (число ихъ всегда бываетъ 10—11 тысячъ). Казалось бы, что тамъ, гдѣ процвѣтаетъ строго-мусульманское образованіе, нѣтъ надежды на успѣхъ образованія европейскаго. Однако дѣйствительность опровергаетъ такія предположенія: Египетъ обогналъ въ этомъ отношеніи другія мусульманскія страны. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что и Мохаммедъ-Алій, первый реформаторъ школьнаго дѣла въ Египтѣ, и прочіе хедивы (по происхожденію турки) не вполне понимали всю важность школъ для прогресса общества: на войско они расходовали деньги несравненно охотнѣе. Постепенно однако Египетъ покрылся и низ-

---

тому, что не всякій родитель соглашается на одно непремѣнное условіе іезуитовъ: ученикъ обязанъ посѣщать христіанскую общину.

шими, и средними, и высшими школами (государственными и частными, въ томъ числѣ миссіонерскими) и въ недавнее время нашелъ умѣстнымъ основать всеарабскую Академію наукъ (пока что только для словесности); впрочемъ для медицинскаго образованія многіе египтяне предпочитаютъ ѣхать въ Бейрутъ, — къ французамъ - иезуитамъ или американцамъ - протестантамъ. Главная бѣда Египта—малое количество школъ среднихъ, отчего и высшія наполняются людьми недостаточно образованными, не могущими проникнуться идеальной стороной науки; арабъ же, по своей натурѣ, и такъ ужъ чересчуръ практиченъ, полонъ не очень симпатичнаго „реализма“, и если онъ полуобразованъ, то производитъ довольно-таки непріятное впечатлѣніе—человѣка, преданнаго матеріальнымъ выгодамъ. Изъ высшихъ училищъ выдѣляются: „школа права и управленія“, „школа искусствъ и ремеслъ“, знаменитая во всемъ мірѣ „школа египтологіи“ съ ея учеными европейскими руководителями, и др. Нужно надѣяться, въ сравнительно очень близкомъ времени, на окончательное исчезновеніе даже мелкаго антагонизма къ европейцамъ, къ ихъ наукамъ и ихъ порядкамъ. — По отношенію къ литературѣ Египетъ—очагъ всеарабской литературной жизни. Наилучшіе и наиболѣе прогрессивные арабскіе писатели вырабатываются въ Сиріи, но притѣсненія турецкой цензуры до такой степени сильны, что большую часть статей приходится отсылать для напечатанія въ Египетъ, гдѣ есть свобода печати. Многіе писатели даже совсѣмъ переселились въ

Египетъ и основали тамъ журналы, которые считаются наилучшими. Отличительная черта современной арабской литературы — съ одной стороны горячая любовь къ своей старинѣ, къ ея литературѣ, къ ея преданіямъ, къ ея языку, а съ другой стороны — лихорадочное увлеченіе европейскою литературой и наукой (въ томъ числѣ ориенталистикой) и перенесеніе ея результатовъ на арабскую почву, на арабскій языкъ. Талантливѣйшіе литераторы — христіане-сирійцы, воспитавшіеся сперва у бейрутскихъ миссіонеровъ, а потомъ гдѣ-нибудь въ университетахъ Европы или Америки. Но разность религіи не имѣетъ разъединительнаго вліянія въ области литературы, и мусульмане гордятся журналомъ „Хилъаль“ христіанина-Зейдана, гдѣ помѣщаются увлекательные романы редактора изъ староравской жизни, или журналомъ „Модтатифъ“ христіанъ Сарруфа и Нымра, журналомъ, который такъ солидно наученъ и оба редактора котораго — докторы философіи. — Египетъ, какъ свободная страна, служитъ также центромъ газетъ политическихъ, направленныхъ противъ Турціи. На сирійцевъ египетскія газеты производятъ огромное вліяніе.

Въ Персіи, въ силу ея отдаленности, школа, образованность и литература остаются на средне-вѣковой ступени. Школы — это старинные мектебы и медресы, съ ихъ бѣдною научною программой. Врожденная даровитость персидскаго народа и неугасимость его старинной культуры дѣлають то, что и при жалкихъ своихъ школахъ персы далеко еще не упалъ въ умственномъ отношеніи. Такъ,

грамотныхъ въ Персіи гораздо больше, чѣмъ среди другихъ мусульманъ; обстоятельное знаніе національной литературы изящной (твореній Фирдоуси, Саади, Хафиза, Хейяма и др.) и даже исторической (Мирхонда) распространено въ самыхъ низшихъ слояхъ народа, и даже неграмотный водовозъ всегда можетъ процитировать на память огромные отрывки изъ старинныхъ персидскихъ поэтовъ *). Но если знаніе старинныхъ поэтовъ еще можетъ служить къ просвѣщенію, то знаніе одной только старинной науки равно невѣжеству: такъ, географія въ Персіи держится еще на системѣ Птолемея; географія политическая даетъ, напр., объ устройствѣ Европы самыя смутныя и даже дикія понятія; исторіей Ирана служить героическая поэма „Шахъ - намé“ Фирдоуси и, безъ провѣрки, лѣтописцы; объ исторіи запада передаются свѣдѣнія совсѣмъ фантастическія или тѣ, которыя сообщаются (легендарными впрочемъ) „Исторіей Петра Великаго“ и „Исторіей Наполеона“ **); вмѣсто химіи и астрономіи царить алхимія и астрологія; медицина не идетъ дальше „Канона“ ибнъ - Сины (или „Авиценны“, XI в.), и т. д. Въ сѣв. Персіи, гдѣ лежитъ столица Техранъ и куда проникаетъ слабое вліяніе Россіи и новости

---

*) Талантливыхъ поэтовъ новыхъ у персовъ нѣтъ. Воцареніе Сефевидовъ и обращеніе шиизма въ узкую государственную религію оказываются рубежомъ творческой дѣятельности въ Персіи. Съ тѣхъ поръ персидская литература сводится къ подражанію стариннымъ образцамъ.

**) Объ „Исторіи“, особенно первая, чрезвычайно популярны въ Персіи.

изъ Турціи, Мирза-тагы-ханъ (упомянутый раньше) завелъ европейскія школы для образованія военныхъ и медиковъ; кое-что дѣлають заѣзжіе миссіонеры и вообще заѣзжіе европейцы (напр., стараніямъ д-ра Поллака и д-ра Клокé Персія обязана тѣмъ, что имѣетъ нѣсколько хорошихъ книгъ по анатоміи и другимъ отраслямъ медицины); кое-что, наконецъ, проникаетъ съ юго - востока, изъ Индіи. Все это производитъ перемѣну воззрѣній у очень небольшой части общества, а масса коснѣетъ въ невѣжествѣ. Образованнѣ всѣхъ оказываются, разумѣется, тѣ персы, которые получаютъ образованіе за границей *).

Какъ ни невѣжественна Персія на нашъ европейскій взглядъ, она все же источникъ свѣта для очень большой части Азіи: ея литературой непосредственно пользуются таджики Средней Азіи, курды, афганцы, и даже въ Индіи новообразовавшееся изъ смѣси персидскаго и индійскаго языка нарѣчіе индустані (иначе „урду“) лишь довольно недавно возведено на степень литературнаго языка вмѣсто прежняго персидскаго. Перечисленныя страны

---

*) Они, добавимъ, поражаютъ всѣхъ своими способностями. Эмиръ Ферраджъ-ханъ, лучшій студентъ-медикъ у бейрутскихъ іезуитовъ, приводитъ въ восторгъ всѣхъ профессоровъ, хотя они ужъ привыкли къ способнымъ сирійцамъ. Сынъ одного персидскаго вельможи, въ Москвѣ, подъ руководствомъ проф. Корша, приготовился въ теченіе лѣта къ экзамену зрѣлости по древнимъ языкамъ. И такіе примѣры — не единичные. Какъ жаль, что этой талантливой націи чужда правдивость!

по отношенію къ образованности стоятъ ниже Персіи, и только Индустанъ представляетъ исключеніе. Можно порицать политическое поведеніе англичанъ въ Индіи, но заботы Англіи о поднятіи образованія въ Индіи заслуживаютъ полной похвалы. Правительствомъ тратятся большія суммы на повсемѣстное устройство низшихъ и высшихъ училищъ, и они въ большомъ количествѣ посѣщаются мусульманами, потому что, во избѣжаніе упрека въ христіанской пропагандѣ, правительство сочло нужнымъ устранить всякое религіозное преподаваніе изъ своихъ школъ и ограничиться только науками свѣтскими. Среди самихъ мусульманъ въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ также возникло много обществъ, поставившихъ своею задачей основаніе ряда высшихъ школъ, въ которыхъ, при мусульманскомъ богословіи, преподаются свѣтскія науки въ западномъ духѣ. Правительство, подобно тому какъ въ Египтѣ, приходитъ на помощь этимъ начинаніямъ, и между прочимъ англо-восточная высшая школа въ Алигарѣ, лучшее изъ высшихъ учебныхъ заведеній Индіи, основанное благочестивымъ, но либеральнымъ мусульманиномъ Сеидомъ Ахмедъ-ханомъ Бехадуромъ, поддерживается больше всего средствами англійскими. Мусульманскія учебныя общества заняты также оживленіемъ литературы: подъ ихъ руководствомъ стоятъ политическіе и литературные журналы, ими выдаются преміи мусульманамъ-писателямъ, а также составляются и переводятся научныя книги и учебники,—въ послѣднемъ случаѣ правительство не устраняется

отъ помощи, оно производитъ большія издержки на печатаніе даже богословскихъ мусульманскихъ сочиненій.

Въ Туркестанѣ число мектебовъ и медресъ больше, чѣмъ въ Персіи; невѣжества и въ нихъ, и въ странѣ—также больше. Персидская часть населенія пользуется кое-какими обрывками знаній Ирана и считаетъ себя лучшими богословами всего ислама, а въ послѣднее время научается кое-чему и изъ Россіи; тюркское населеніе Вамбери нашель „окутанное мракомъ, чернымъ, какъ смола“, но теперь и оно кое-что усваиваетъ отъ русскихъ *). Даже въ среднеучебныхъ заведеніяхъ (въ Ташкентѣ, въ сосѣднемъ Оренбургскомъ краѣ) насчитывается немало туземцевъ обоого пола, а въ военныхъ корпусахъ края—еще больше. Братъ и сынъ бухарскаго эмира воспитались по его просьбѣ, въ Петербургѣ, въ Пажескомъ корпусѣ. Въ русскихъ университетахъ по временамъ встрѣчаются, напри-мѣръ, киргизы. Съ теченіемъ времени мусульмане Средней Азіи, очевидно, ничѣмъ не будутъ отличаться по школьному дѣлу и по литературѣ отъ европейскихъ татаръ.

О школѣ, образованности и литературѣ остальныхъ народовъ ислама: малайцевъ, берберовъ, негровъ и др.—не стоитъ говорить.

---

*) Желательно было бы скорѣйшее увеличеніе числа школъ въ Средней Азіи. Теперь, напри-мѣръ, на двухмилліонное населеніе Акмолинской, Семирѣченской и Семипалатинской области приходится всего 290 начальныхъ школъ, городскихъ и сельскихъ, съ 12,628 учащихся.

в) Промышленность и торговля.

Для успѣшнаго хода промышленности и торговли требуются: умственное развитіе или образованіе народа, честное и твердое правительство, правильная разработка природныхъ богатствъ страны, хорошіе пути сообщенія, и т. п., и т. п. На самостоятельномъ Востокѣ ничего этого нѣтъ, особенно въ Турціи: оттого въ ней даже добывающая промышленность идетъ плохо, а обрабатывающая—еще хуже. О жалкомъ состояніи земледѣлія и сельскаго хозяйства мы случайно говорили уже выше. Болѣе трудное дѣло, напр., горное, не можетъ и существовать. Напр., возьмемъ Ливанъ, гдѣ такъ много природныхъ богатствъ. Нефть просто сама пробивается наружу, а правительство запрещаетъ ее разрабатывать, такъ что своя домашняя нефть портитъ лишь ливанскіе виноградники, а керосинъ поневолѣ выписывается изъ російскаго Батума. Есть на Ливанѣ много желѣзной руды, но желѣзодѣлія нѣтъ: копать горы правительство не позволяетъ; существовали еще не такъ давно очень простыя желѣзные пріиски—„масбеки“, гдѣ руда, лежащая прямо на поверхности земли, разрабатывалась первобытнымъ способомъ, но такъ какъ правительство ничего не сдѣлало, чтобъ ихъ поднять, то привозъ европейскаго желѣза, лучшаго по качеству и болѣе дешеваго, заглушилъ мѣстную ливанскую промышленность. И во многихъ другихъ отношеніяхъ конкуренція Европы убиваетъ восточную промышленность. Персія и Сирія, отчасти и другія мѣстности, до

сихъ поръ еще вырабатываютъ нѣкоторые, очень недурные предметы: стальные клинки, ткани шелковые, бумажныя и др.; но какъ имъ состязаться съ Европой? Европейская промышленность опирается на научныя открытія, широко пользуется химіей и механикой,—на Востокъ ничего этого нѣтъ. Единица европейской промышленности — это фабрика, съ тысячами рабочихъ и машинъ, а въ Азіи роль фабрики играетъ сарайчикъ или палатка, съ однимъ станкомъ, съ однимъ — двумя рабочими. Глядя на сирійскія шелковыя „фабрики“ и мысленно сопоставляя съ ними, напр., грандіозное заведеніе Сапожникова, я иногда не могу не задать вопроса хозяину сарайчика: „вотъ у васъ, вы говорите, есть до 40 такихъ сарайчиковъ, у другихъ промышленниковъ бываетъ и побольше, — почему бы нельзя соединить 40 такихъ мастерскихъ въ одну большую, или почему бы нѣсколькимъ хозяевамъ не соединиться вмѣстѣ, чтобы устроить на основахъ ассоціаціи большую, настоящую фабрику, какъ въ Европѣ?“ Отвѣтъ всегда одинъ: „при турецкомъ правленіи немыслимо ставить дѣло на широкую ногу: хищные чиновники всегда будутъ находить много предлоговъ, чтобы вмѣшиваться въ фабричныя порядки и срывать бахшиши (взятки) и балсы (беззаконные окупы), и въ концѣ концовъ выйдетъ разореніе; объ ассоціаціи же въ Турціи не можетъ быть рѣчи потому, что каждый членъ ассоціаціи можетъ преспокойно ограбить другихъ и затѣмъ, подкупивши судъ, избѣжать всякой отвѣтственности... Нѣтъ, ужъ лучше вести дѣло въ малень-

кихъ размѣрахъ и, словно муравей, который несетъ себѣ одно зерно, не возбуждать зависти людской“... Государственные опыты Турціи и Персіи заводить фабрики казенныя всегда рушились изъ-за негодности и безчестности чиновниковъ-казнокрадовъ. Такимъ образомъ восточная промышленность все больше и больше падаетъ: дешевыми привозными произведеніями западныхъ фабрикъ вытѣсняются мѣстныя. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все достоинство вещи зависитъ отъ вкуса работника, машинныя европейскія произведенія могутъ уступать восточнымъ кустарнымъ; но и въ Европѣ мы видимъ то же явленіе.

Къ торговлѣ наиболѣе способностей проявляютъ персы и арабы, наименѣе турки. Персъ—безусловно коммерческій геній, способный заткнуть за поясъ и еврея, и армянина. Отдаленнѣйшія торговыя путешествія онъ также совершаетъ безъ колебаній и, между прочимъ, доходитъ до такого вольнодумства, что не боится ѣздить для торговли даже въ страну невѣрныхъ, гдѣ каждое людское прикосновеніе и самая земля приносятъ ему оскверненіе. Не говоря уже о Россіи *), персовъ можно въ изобиліи встрѣтить и въ соннитскомъ Константинополѣ, и въ западной Европѣ. У арабовъ тоже: торговля—любимое и почетное дѣло, и во множествѣ ихъ сказокъ героями выступаютъ купцы. Къ неповоротливому,

---

*) Много персовъ посѣщаетъ Макарьевскую Нижегородскую ярмарку. Въ Москвѣ живетъ цѣлая торговая колонія персовъ со своимъ купеческимъ головой („мелик-от-тоджар“).

лѣнливо-вялому характеру тюрка торговля не подходитъ, особенно если она сложна (не то, что продажа барановъ, напр.) и требуетъ конкуренціи. На подъемъ онъ тяжелъ, а къ поѣздкѣ въ страны невѣрныхъ относится съ большимъ опасеніемъ; скорѣе всего онъ поѣдетъ въ Россію, гдѣ много его одновѣрцевъ, да и тамъ его не оставляетъ боязнь оскверниться.

Резюмировать весь этотъ очеркъ можно въ слѣдующей картинѣ: въ настоящее время мусульманскій востокъ находится въ состояніи упадка политическаго, экономическаго и умственнаго. Раса иранская и арабская имѣютъ какъ желаніе, такъ и способности воскреснуть. Наоборотъ, раса турецкая, несмотря на множество подталкиваній со всѣхъ сторонъ, желаетъ коснѣть въ своемъ застоѣ, упорно противится пробужденію; между прочимъ, политическое существованіе Турціи придаетъ невѣжественнымъ тюркамъ гордость и нежеланіе двигаться впередъ въ умственномъ отношеніи или даже избавиться отъ своего гнилого государственнаго строя; лишившись политической силы (какъ у насъ, подъ властью Россіи), тюркъ начинаетъ пріобщаться къ культурной семьѣ народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вопросъ о жизненности ислама и о его способности къ усвоенію нашей цивилизаціи.

Печальное положеніе современныхъ мусульманскихъ *государствъ* заставляеть очень многихъ говорить объ упадкѣ *ислама*. Это совсѣмъ невѣрно: конечно, политическое значеніе Турціи, Персіи, Афганистана, Бухары, Хивы, Марокко, Судана и т. д.—ничтожно, экономическая жизнь населенія этихъ странъ жалка, просвѣщенія въ нихъ нѣтъ и т. п.,—но значить ли это, что исламъ, т.-е. извѣстная *религія*, находится въ упадкѣ? Правда, ссылаются и на тотъ фактъ, что число пилигриммовъ, посѣщающихъ Мекку, сократилось втрое сравнительно со средними вѣками. Но мы изъ жизненнаго опыта знаемъ, что человѣкъ можетъ быть очень хорошимъ мусульманиномъ и все же, въ силу слабости человеческой природы, уклоняться отъ хажжа. Приводятъ факты и болѣе вѣскіе,—напр., что въ Иранѣ исламъ подрываетъ суфизмомъ. Такъ, но тамъ это дѣло

очень старое, и персидскій исламъ вообще не былъ правовѣрнымъ съ перваго же вѣка гижры; въ послѣдніе три вѣка исламъ въ Персіи, можно скорѣе сказать, даже поднялся, а не упалъ, такъ какъ духовенству удалось сколько-нибудь забить голову народу. Также у одной части арабовъ (жителей собственно Аравіи) исламъ стоитъ совершенно плохо, но и при Мохаммедѣ онъ стоялъ не лучше. Замѣчается, наконецъ, охлажденіе къ тонкостямъ вѣры и, пожалуй, иногда прямой атеизмъ у европеизировавшагося класса Сиріи, Египта, отчасти Алжира, даже Турціи. Это такъ, и можно быть увѣрену, что съ распространеніемъ европейскаго образованія число такихъ людей будетъ возрастать, и что подобно тому, какъ образованный европеецъ часто остается христіаниномъ только по имени, такъ и европеизированный мусульманинъ будетъ оставаться мусульманиномъ только по имени. Но на ряду со всѣмъ этимъ есть много фактовъ, предвѣщающихъ не только не смерть исламу, а, напротивъ, еще долгую-долгую жизнь. Послѣднее особенно дѣлается яснымъ изъ факта успѣховъ мусульманскаго миссіонерства тамъ, гдѣ одновременная христіанская проповѣдь не имѣетъ успѣха. Небольшое исключеніе представляетъ Россія. Прекраснымъ полемъ для миссіонерской дѣятельности ислама оказалась было Сибирь съ ея язычниками, но въ Россіи явилась возможность христіанству успѣшно выступить въ борьбѣ съ мусульманскимъ миссіонерствомъ и положить ему конецъ, хотя сердцу сибирскаго инородца исламъ и теперь еще говорить, несомнѣнно,

больше, чѣмъ христіанство. За-то въ другихъ странахъ пропаганда ислама дѣлаетъ просто чудеса. Такъ, въ Китаѣ (пока что преимущественно въ западныхъ провинціяхъ) число мусульманъ достигаетъ ужъ двадцати милліоновъ и продолжаетъ увеличиваться, больше всего путемъ примѣра, а не спеціальной проповѣди; есть опасеніе, какъ бы исламъ со временемъ не вытѣснилъ изъ Китая религіи Будды. Быть можетъ, еще поразительнѣе должно показаться вліяніе ислама въ Индіи: тамъ правительство—христіанское, а главнѣйшая индійская религія—брахманизмъ—крайне враждебно настраиваетъ народъ противъ ислама,—тѣмъ не менѣе мусульмане составляютъ уже $\frac{1}{8}$ населенія. Ведется тамъ пропаганда (хоть не такая дѣятельная, какъ христіанская), пропаганда письменная и устная существуютъ странствующие проповѣдники и дѣйствуютъ настолько успѣшно, что, напр., лишь одинъ Хаджи-Мохаммедъ въ Пенджабѣ привлекъ къ исламу до 200,000 индійцевъ *); индійскій исламъ посягаетъ даже на христіанъ, и, дѣйствительно, попадаютъ въ Индіи христіане-ренегаты. Извѣстный знатокъ Востока и изслѣдователь ислама, А. Кремеръ, считаетъ неизбѣжною вещь, чтобы политеизмъ уступалъ исламскому монотеизму; по его мнѣнію; нѣкогда вся Индія сдѣлается мусульманскою; а другіе предвѣщаютъ Индіи роль будущей руководи-

---

*) Сообщено въ мѣстной газетѣ „Ахбар-и алемъ“ 1865. См. Garcin de Tassy: La langue et la littérature Hindoustanies de 1850 à 1869, стр. 343.

тельницы исламскаго міра (въ случаѣ паденія Турціи). Въ Нидерландской Индіи число мусульманъ также растетъ: голландцы, утвердившись въ XVIII вѣкѣ въ Индійскомъ архипелагѣ, нашли тамъ мусульманъ мало, а къ настоящему времени Ява обратилась въ мусульманство почти вся, Суматра — въ большей части, Борнео и Целебесъ — наполовину. Пропаганда ведется незамѣтно: голландскими чиновниками (большинство которыхъ — малайцы-мусульмане), проѣзжими торговцами и, въ особенности, святошами-странниками, которые лѣчатъ больныхъ молитвами и заклинаніями, торгуютъ талисманами и читаютъ молитвы надъ покойниками. Самую благоприятную почву исламъ находитъ теперь въ центральной Афірикѣ, гдѣ, по выраженію одного пастора, онъ распространяется „поистинѣ съ ужасающею быстротой“: нерѣдко бываетъ, что отдѣльные, одиночные мохаммедане, прибывшіе къ африканскимъ племенамъ для торговли, подчиняютъ скоро вліянію своему цѣлые округа и побуждаютъ къ принятію ислама все ихъ населеніе“. Въ Афірикѣ пропаганда ислама среди негровъ идетъ съ двухъ сторонъ: и съ запада, и съ востока. На западѣ Атлантическое побережье, отъ Сіерра-Леоне (куда исламъ проникъ лѣтъ сто назадъ) до португальскаго Мозамбика, стало сплошь мусульманскимъ; оттуда мусульманство съ колоссальнымъ успѣхомъ проникло и продолжаетъ проникать дальше въ глубь страны, въ бассейнъ Нигера, въ экваторіальную область; прежде центромъ чернаго мусульманства было Тимбукту, теперь онъ передвинулся еще болѣе въ глубь

страны—въ Куку; здѣсь миссіонеры—не спеціалисты-проповѣдники (какъ у христіанъ), а торговцы, и пропаганда идетъ совсѣмъ незамѣтно, сама собою, безъ насильственного принужденія. Напротивъ, съ востока Африки вглубь на западъ мусульманство распространяется и военнымъ теченіемъ, — именно изъ Судана, гдѣ недавно, лѣтъ 15 назадъ, основалось воинственное и фанатическое государство Махдія. Можно предполагать, что лѣтъ черезъ тридцать вся центральная Африка будетъ исключительно мусульманская.—Таковы успѣхи ислама! Количество его новыхъ послѣдователей можно выражать въ десяткахъ милліоновъ (а вообще всѣхъ мусульманъ насчитываютъ триста милліоновъ). Къ умаленію славы ислама можно бы замѣтить, что народы, принимающіе его теперь, принадлежатъ къ числу или малоспособныхъ, или малообразованныхъ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что исламъ находитъ себѣ адептовъ даже среди просвѣщенныхъ европейцевъ. Конечно, въ исламѣ есть одна очень непріятная черта, которая отталкиваетъ людей, думающихъ сколько-нибудь философски и возвышенно: эта черта — отвратительная похотливость картинъ загробной жизни, внушающая человѣку мысль, что идеаль челоѣка—быть хорошимъ самцомъ. Глядя на эту сторону ислама, среднеѣвковые обличители презрительно называли его вѣрою жеребцовъ, буйволовъ и верблюдовъ; среди самихъ мусульманъ суфіи рѣшили допустить два рая: одинъ — коранскій, предназначенный для натуръ грубыхъ, животныхъ, а другой — чисто духовный, для людей,

мыслящихъ возвышенно; современная ходячая фраза: „исламъ—религія грубая“ ассоціируется именно съ представленіемъ о мусульманскомъ раѣ. Такимъ образомъ намъ обыкновенно трудно себѣ представить, чтобы исламъ, эта „грубая религія“, могъ соблазнить мыслящаго европейца. Однако, кто способенъ оставить картину мусульманскаго рая въ сторонѣ и сосредоточить свое вниманіе исключительно на коранскихъ представленіяхъ о Богѣ, тотъ можетъ поразиться простотой ислама, сближающею его съ христіанскимъ раціонализмомъ; такой человекъ можетъ вполнѣ искренно восторгаться мусульманствомъ, можетъ хвалить его, можетъ даже самъ перейти въ мусульманство. Поэтому напр., въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ, когда тамъ господствовали протестантскія идеи, бывали случаи принятія ислама поляками. Вольтеръ, ближе познакомившись съ исламомъ, сталъ изъ его противниковъ его защитникомъ. Защищали исламъ и такіе люди, какъ, напр., историки Гиббонъ и Лоранъ, знатокъ религій Бартеlemi Сентъ-Илеръ, арабистъ-историкъ Седилльб и др. Недавно гр. Анри де-Кастри издалъ очень горячую апологію мусульманства (*L'islam. Impressions et études*, Парижъ. 1896). Къ принятію ислама оказываются способны даже христіанскіе священники: такъ, въ 1875-мъ г. методистскій миссіонеръ Норманъ отправился было въ Константинополь, чтобы тамъ проповѣдывать евангеліе мусульманамъ, но, познакомившись съ исламомъ, самъ принялъ его и началъ его потомъ проповѣдывать въ Америкѣ.

Конечно, на одиночныхъ примѣрахъ обращенія

европейцевъ въ исламъ нельзя строить никакихъ общихъ заключеній; но во всякомъ случаѣ, если мы вникнемъ въ свѣжіе успѣхи ислама даже только въ Африкѣ и Азіи и притомъ вспомнимъ, что христіанство перестало пріобрѣтать новыхъ послѣдователей, то поймемъ, насколько неправы люди, предвѣщающіе исламу близкую смерть. Придется сознаться, что исламъ не только не въ упадкѣ, а будетъ существовать еще очень долго.

Возникаетъ вопросъ: „Въ какихъ же отношеніяхъ будетъ стоять исламъ къ нашему міру? Есть ли надежда, что мусульманскіе народы усвоятъ нашу цивилизацію и войдутъ въ общую семью просвѣщенныхъ народовъ?“ Для многихъ этотъ вопросъ непремѣнно связанъ съ мыслью объ оставленіи мусульманами своей религіи, о переходѣ ихъ въ христіанство. Такой переходъ считается нѣкоторыми за вполне возможную и исторически-естественную вещь. Такъ, кардиналъ Херденрөтеръ (Herdenröter) въ своей „Исторіи церкви“ позволяетъ себѣ утверждать слѣдующее: „Чтобы отторгнуть дикія племена отъ фетишизма и привести ихъ къ нашей высокой религіи, необходима сперва посредствующая ступень, требуемая низшимъ уровнемъ ихъ культуры и ихъ грубочувственными представленіями. Такою переходною ступеню, которая ведетъ изъ язычества въ христіанство, служить мусульманство“.

Къ сожалѣнію, опытъ (отсутствіе ренегатства у мусульманъ) показываетъ, что человѣкъ, пропитавшійся мусульманствомъ, дѣлается ужъ совершенно неспособнымъ воспринимать высшія истины

христіанства. Кто знакомъ съ литературой мусульманъ, тотъ знаетъ, что она всегда отзывалась о христіанствѣ такъ, какъ испанскій арабъ XI вѣка ибнъ-Хазмъ *). И въ настоящее время пренебрежительное воззрѣніе мусульманина на христіанство, какъ на нелогическую и суевѣрную религію, не измѣнилось. Больше того: мусульманинъ увѣренъ, что стоитъ порыться въ нашихъ, христіанскихъ книгахъ,—и онѣ же докажутъ истину ислама **).

Къ тому положенію, которое мы выставили выше („Исламъ не умираетъ“), приходится прибавить еще второе: „Нѣтъ надежды на переходъ ислама въ христіанство“.

Можетъ ли исламскій міръ, оставаясь исламскимъ, двигаться впередъ и догнать міръ западный? Если поставить этотъ вопросъ отвлеченно, не касаясь качествъ и способностей отдѣльных мусульманскихъ индивидуумовъ и націй, то отвѣтъ долженъ быть положительный. Правда, въ исторіи мы видѣли борьбу представителей ислама со свободною мыслью,—но развѣ въ исторіи христіанства мы видѣли не то же самое? И если къ настоящему времени христіанство могло прекрасно совмѣститься съ наукой, то исламъ также можетъ съ ней совмѣститься, лишь бы въ природныхъ качествахъ того или другого мусульманскаго народа были необхо-

---

*) Dozy: Essai sur l'histoire de l'islamisme. Лейденъ 1879, стр. 533.

**) „Изгър оль-хаqq“ Рахматуллаха Деглійскаго, Константинополь, 1864.

димые задатки для умственного развитія. Всѣ соображенія, которыя выдвигаются для доказательства неспособности ислама мириться съ свободнымъ изслѣдованіемъ, обрушиваются вовсе не на исламъ въ частности, а на всякую религію вообще *) и, въ сущности, выводятъ на очередь другой вопросъ, а именно: „можетъ ли какая бы то ни было религія мириться съ наукой?“ Кто, подобно Дреперу, во всякой религіи (кромѣ раціонализма) видитъ непримиримаго врага науки, тотъ, разумѣется, и для ислама не долженъ дѣлать исключеній **); но кто не считаетъ религіи за препятствіе къ умственному прогрессу, тотъ и исламу за его качества, общія у него со всякою религіей, не долженъ отказывать въ способности къ прогрессу. Впрочемъ, выставляютъ противъ ислама два спеціальныхъ упрека: говорятъ, что онъ проповѣдуетъ фатализмъ и фанатизмъ и, значить, обрекаетъ своихъ послѣдователей на косность и невозможность усвоить западное просвѣщеніе. Оба эти упрека справедливы только отчасти: они примѣнимы не ко всему мусульман-

---

*) Таковъ, напр. упрекъ: „Исламъ приказываетъ вѣрить въ Коранъ, а не въ науку“. Интересно знать, какая же религія не приказываетъ вѣрить больше всего въ ея священные книги, какъ въ высшую мудрость и истину?

**) Впрочемъ, Дреперъ дѣлаетъ исключеніе именно для ислама, но въ благопріятномъ для него смыслѣ: онъ считаетъ исламъ болѣе прогрессивною религіей, чѣмъ христіанство. Дреперъ, однако, плохо понимаетъ исторію ислама. См. мой разборъ его „Исторіи борьбы вѣры съ наукой“ въ львовской „Зорѣ“ 1897 г., № 20.

скому міру. Относительно фатализма не будемъ здѣсь доказывать, что изъ самого Корана онъ не вытекаетъ **); достаточно отмѣтить, что въ пониманіи значительной части мусульманъ (персовъ, арабовъ) коранское ученіе о предопредѣленіи оказывается такимъ, что не остается никакой разницы между коранскимъ ученіемъ о предопредѣленіи и христіанскимъ евангельскимъ ученіемъ о предопредѣленіи („ихъ же бо предувѣдѣ, тѣхъ и предустави“), и парализующаго вліянія на дѣятельность тѣхъ мусульманъ Коранъ не оказываетъ. По замѣчанію персидскаго поэта Саадія, „когда ты видишь камень, летящій на тебя съ горы, ты забываешь о предопредѣленіи и сторонись“. Отъ мусульманъ-бейрутинцевъ (а они считаются добрыми мусульманами) я слышалъ въ маѣ 1897-го г. выраженіе самага неподдѣльнаго изумленія: почему это г-жа Ч. (начальница бейрутскихъ школъ Императорскаго православнаго палестинскаго общества), заболѣвши, отказывается принимать лѣкарства и говоритъ: „Воля Божья“. Также и о фанатизмѣ нужно сказать, что онъ не обязательно связанъ съ

---

*) На страницѣ 12-й 27-й нашего очерка читатель найдетъ историческія указанія о полемикѣ мусульманскихъ богослововъ по вопросу о предопредѣленіи. Ясно выразить словами, что Богъ все предначерталъ заранѣе и что въ то же время воля челоуѣка свободна, очень трудно, и Мохаммедъ не сумѣлъ этого сдѣлать; оттого-то, подобно тому, какъ нѣкоторыя христіанскія секты приписываютъ Христу ученіе о фатализмѣ, явилась возможность приписать и Мохаммеду то же ученіе и возвести его въ степень догмата.

исламомъ (въ самомъ Коранѣ, напомнимъ кстати, его и нѣтъ), и не у всѣхъ мусульманъ онъ есть. Христіанское правило: „аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“ находило и находитъ себѣ истолкователей въ самомъ фанатическомъ смыслѣ, но вѣдь было бы крайнею несправедливостью изъ-за тѣхъ людей (какъ бы много ихъ ни было) назвать христіанство фанатической религіей. Такъ и исламъ: если, напр., турки и берберы—фанатики, то это не значитъ еще, что исламъ не можетъ быть нефанатиченъ. Выше на страницѣ 14 и 52-59 мы говорили объ этомъ вопросѣ подробнѣе, а здѣсь добавимъ, что, напр., отношенія бейрутскихъ мусульманъ къ бейрутскимъ христіанамъ несравненно менѣе полны ненависти, чѣмъ отношенія бейрутскихъ миссіонеровъ-іезуитовъ къ миссіонерамъ-протестантамъ.

Итакъ, сама по себѣ исламская религія настолько же не должна считаться помѣхой прогрессу и цивилизаціи, насколько и всякая другая религія. Вопросъ о томъ, способны ли мусульманскіе народы къ прогрессированію и къ воспріятію нашей, европейской цивилизаціи не можетъ рѣшаться огуломъ, примѣнительно разъ навсегда ко *всѣмъ* народамъ, исповѣдующимъ исламъ, а, наоборотъ, долженъ рѣшаться частнымъ образомъ, примѣнительно къ каждому отдѣльному народу. Что персы при своихъ богатыхъ способностяхъ догонять Европу и станутъ нашими братьями, въ этомъ нечего сомнѣваться. Арабская нація ужъ и теперь больше другихъ восточныхъ приблизилась къ Западу, а если Сиріи

удастся избавиться отъ турецкаго ига *), то сближеніе пойдетъ исполинскими шагами. Такимъ образомъ блестящій періодъ умственной жизни персовъ и арабовъ, нарушенный монголами и турками, можетъ возобновиться не въ очень далекомъ будущемъ. Въ томъ же направленіи пойдутъ и мусульмане-индійцы. А другіе мусульманскіе народы, не одаренные отъ природы (и, заодно сказать, понявшіе исламъ, какъ религію фатализма и фанатизма), хоть не уйдутъ, пожалуй, отъ сближенія съ Европой, но это сближеніе будетъ постоянно происходить съ большими затрудненіями.

Для насъ, далекихъ сѣверныхъ жителей, будущность мусульманъ-негровъ, ихъ способность или неспособность къ культурѣ не представляетъ пока что особеннаго интереса. Гораздо важнѣе для насъ будущность мусульманъ китайскихъ: полагають, что Китай, переполнившись жителями, принужденъ будетъ произвести вторженіе въ Россію; если Китай ко времени своего переполненія окажется мусульманскимъ, то возможно, что мусульманское ученіе о священной войнѣ, разъ оно будетъ понято китайцами въ смыслѣ обязательнаго приказанія вести войну наступательную, послужить источникомъ воодушевленія для нихъ и придастъ имъ силу въ разрушительной борьбѣ съ русскими. Но это вопросъ еще далекаго будущаго. Животрепещущую

---

*) Попадши подъ власть какого-нибудь европейскаго государства,—хотя бы и подъ власть неумѣлыхъ политиковъ-французовъ, такъ сильно претендующихъ на эту страну.

важность представляет для насъ судьба только расы тюркской, и въ вопросѣ о ея способности или неспособности къ прогрессу, и при томъ къ прогрессу быстрому, мы не можемъ оставаться равнодушными, потому что судьба этой расы тѣсно связана съ интересами нашими или съ интересами нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ.

- О качествахъ тюркской расы мы уже имѣли случай говорить выше. Отличительное ея свойство — любовь къ умственной неподвижности и слѣпой консерватизмъ въ обычаяхъ, и потому турки истолковали себѣ мохаммеданство въ смыслѣ религіи фаталистическаго застоя и фанатической ненависти ко всему чужому, немусульманскому. „Что сдѣлали турки для человѣчества?“ задаетъ себѣ вопросъ изслѣдователь мусульманской исторіи А. Мюллеръ, говоря объ одномъ изъ періодовъ политическаго преобладанія турокъ. „Будемъ скромнѣе“, продолжаетъ онъ: „спросимъ, что сдѣлали турки для странъ Передней Азіи?—Нужно отвѣтить: ничего“ (т. III, стр. 208). Онъ считаетъ умѣстнымъ сравнивать политическое господство турокъ съ монгольскимъ разореньемъ и находить, что турки „прядутъ ту же нить, какую и монголы, только другого номера“. „Мы хорошо знаемъ“, — объясняетъ свою мысль А. Мюллеръ, „одно свойство турокъ — ихъ ограниченность въ общихъ вопросахъ, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ вполне допускаетъ довольно большую дипломатическую ловкость, но мѣшаетъ имъ понимать нужды обширнаго государства и, въ силу слѣпой привязанности ихъ къ преданіямъ
-

соннитскаго толка, заставляеть относиться враждебно ко всякому проявленію самостоятельнаго мышленія. Монголь разрушаетъ города и избиваетъ жителей; подѣ владычествомъ же турокъ городѣ падаютъ, а у жителей постепенно изсякають источники благосостоянія, равно какъ живые источники духовнаго прогресса. Турецкое племя, захватывая земли въ Европѣ, вводило въ систему европейскихъ государствъ почти исключительно разрушительные элементы, враждебные всякой культурѣ (III, 258)“. Отрицать самую способность тюрокъ къ прогрессу, конечно, нельзя. Могъ же нѣкогда произойти даже изъ среднеазиатскихъ тюрокъ и развиваться въ персидско-арабской обстановкѣ такой геній, какъ философъ-аристотеликъ аль-Фарáби (X в.). Современные турки европейскіе, въ крови которыхъ не мало есть греческой и славянской примѣси, могутъ, значить, скорѣе другихъ соплеменниковъ внушать надежду на способность къ цивилизованію. Но оно будетъ совершаться крайне медленно.

У европейцевъ выработалось два взгляда на то, какъ слѣдуетъ относиться къ этой медлительности. Одно мнѣніе, преимущественно русское, въ послѣднее время широко распространено и между англичанами: „необходимо уничтожить самостоятельное существованіе Турціи“. Замѣчено, что турки дѣлаются безвредными и ихъ цивилизованіе успѣшнѣе всего идетъ тогда, когда они попадаютъ подѣ власть европейцевъ. Такъ, у насъ въ Россіи фанатизму татаръ, туркменовъ, и др. негдѣ развернуться. Самъ по себѣ это—народъ, не лишенный

симпатичныхъ качествъ: не пьющій, не любящій мошенничать, физически трудолюбивый; если у него исчезаетъ фанатизмъ, его симпатичныя качества выступаютъ рельефно. Пользуясь спокойствіемъ и благами нашей культуры, тюркъ живетъ очень хорошо, понемногу примиряется съ русскимъ господствомъ, и нерѣдко случается, что наши татары, отправляясь на богомолье въ Мекку, возбуждаютъ тамъ своимъ благосостояніемъ зависть своихъ самостоятельныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Такъ какъ у насъ въ Россіи безъ образованія нельзя получить должности, то наши мусульмане поневолѣ учатся въ нашихъ школахъ, оканчиваютъ университеты; подобно тому, какъ сами русскіе, начавшіе учиться при Петрѣ сперва неохотно и по принужденію, наконецъ цивилизовались и пріучились любить просвѣщеніе, цивилизуются и наши мусульмане. Въ самостоятельномъ тюркскомъ государствѣ, т.-е. въ Османской Турціи, этого нѣтъ. Мы уже представили ея положеніе. Пока власть будетъ держаться въ рукахъ турецкаго правительства и турецкихъ чиновниковъ, пока турокъ будетъ находить въ самостоятельномъ существованіи своего государства поддержку своей нетерпимой косности, Турція будетъ оставаться въ прежнемъ положеніи и будетъ тормозомъ прогресса. А такъ какъ турецкій исламъ прямо предписываетъ ненависть къ иновѣрцамъ въ видѣ религіозной обязанности, то самостоятельное существованіе Турціи является, кромѣ того, источникомъ злополучія для подчиненныхъ ей христіанъ.

Другое мнѣніе—русофобское. Его придерживаются враги Россіи и славянства, опасующіеся, что съ паденіемъ Турціи исчезнетъ лишнее препятствіе русскимъ и славянамъ возвышаться въ культурномъ да и политическомъ отношеніяхъ. Не смѣя отрицать упорной вражды Турціи ко всякимъ реформамъ и истинному просвѣщенію, эти друзья Турціи, въ томъ числѣ Вамбери, совѣтуютъ Европѣ вооружиться „гуманнымъ“ *) терпѣніемъ: „спѣшитъ - де нечего, а понемногу, понемногу, *когда-то, черезъ нѣсколько столѣтій* **), Турція вступитъ, наконецъ, въ новый міръ идей“. Своеобразное представленіе о гуманности! Пока будутъ производиться надъ Турціей якобы „гуманные“ эксперименты, Турція будетъ вырѣзывать христіанъ-арабовъ (Ливанъ), грековъ (Критъ, Фессалія и др.), армянъ (въ Арменіи, Сиріи и даже въ самомъ Константинополѣ, этомъ наиболѣе просвѣщенномъ изъ городовъ Турціи). Пока Европа „въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій“ будетъ съ „гуманнымъ“ терпѣніемъ ждать „вступленія турокъ и ихъ правительства въ новый міръ идей“, милліоны турецкихъ христіанъ, преимущественно нашихъ единовѣрцевъ - православныхъ, будутъ томиться подъ турецкимъ игомъ, лишенные возможности просвѣщаться, лишенные надежды на безопасность своего имущества, своей личности, чести своихъ женъ, сестеръ и дочерей. Въ чемъ же заключается гуманность? въ томъ ли, чтобы под-

---

*) Vámbéry: Der Islam, стр. 305 и слѣд.

**) То же сочин., стр. 267.

держивать существованіе гнилого турецкаго государства и господство турецкаго племени—того племени, вредъ отъ котораго въ настоящемъ неоспоримъ, а будущая польза очень проблематична, — или же въ томъ, чтобы спасти отъ пагубнаго гнета турецкаго племени близкія намъ по крови и вѣрѣ племена арійскія и мусульманское племя арабское, даровитость которыхъ несомнѣнна и которыя могутъ еще внести свою щедрую лепту въ умственную сокровищницу Европы?

Сирія, с. Шуэйръ на Ливанскихъ горахъ. ^{10/22} IX. 1897.
Бейрутъ. ^{1/13} III. 1898.

- Ланге.** Эмоціи (психо-физиологическій очеркъ). Ц. 30 к.
- Ледантекъ, Ф.** Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6-ю чертежами. Ц. 75 к.
- Легренъ, М.** Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Лонгфелло, Г.** Пѣснь о Гайаватъ. Иллюстрированное изданіе. Перев. И. А. Бунина. Ц. 1 р. 25 к.
- Маллесонъ.** Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898. Ц. 50 к.
- Масе.** Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е. Спб. 1874. Съ 20-ю табл. рисунковъ. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С.** Автобіографія. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С.** Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“.** Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поѣтовъ. Ц. 1 р. 25 к. Въ изыщ. перепл. 1 р. 50 к.
- Паульсенъ, Ф.** Нѣмецкіе университет. и ихъ историч. развитіе. Ц. 40 к.
- Поллокъ, Ф.** Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.
- Proust & Ballet.** Гигіеническое лѣченіе невралгій. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.
- Ревилль, Ж.** Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т.** Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.
- Святловскій 1-й, В. В.** Фабричный рабочий (изъ наблюденій фабричнаго инспектора). Варшава. 1889. Ц. 3 р.
- Святловскій 2-й, В. В.** Государственное страхование рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій 2-й, В. В.** Л. Брентано, его жизнь, возрѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 25 к.
- Сорель, А.** Монтескле. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г.** Классификація наукъ. Ц. 50 к.
- Тейлоръ, И.** Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.
- Теннисонъ, А.** Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова. „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.
- Токвилъ, А.** Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ. М. 1897. XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Тома, Ф.** Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.
- Уордъ, Л.** Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.
- Фрейманъ, В. Ф.** Свойства, классификація и каталогизировка библиотекъ. Ц. 25 к.
- Фуллеръ, А.** Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.
- Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Ц. 2 р.
- Чаннингъ, Э.** Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.
- Шелли.** Сочиненія. Въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.
- Шерръ, І.** Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (25 вып.), со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложеній. Болѣе 1,000 стр. текста. Ц. 9 р.
- Шульце-Гевеверницъ.** Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
„СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“

Дж.-Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей **В. Н. Ивановскаго**. **Книга I.** Введеніе. Имена и предложенія. **Книга II.** Умозаключеніе. **Книга III.** Наведеніе. **Книга IV.** Процессы, вспомогательныя наведенію. **Книга V.** Заблужденія. **Книга VI.** Логика нравственныхъ наукъ. Подписная цѣна 3 руб. безъ пересылки и 4 р. 50 к. съ пересылкой-заказною бандеролью. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я книги выпли. По окончаніи изданія цѣна **будетъ повышена**. Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 2 руб., при выходѣ 4-й книги—рубль; книги 5-я и 6-я выдаются бесплатно. Подписываться съ разсрочкой можно только у издателей, въ магазинѣ „**Книжное Дѣло**“. Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „**КНИЖНОЕ ДѢЛО**“. Москва, Моховая, д. Венкендорфъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ,

составленная въ сотрудничествѣ д-ра Э. Буклей въ Чикаго, библіотекаря Г. О. Ланге въ Копенгагенѣ, д-ра Ф. Іереміасъ въ Лейпцигѣ, проф. д-ра I. I. П. Валетонъ въ Утрехтѣ, проф. д-ра М. Т. Гутсми въ Утрехтѣ и д-ра Э. Леманнъ въ Копенгагенѣ, **Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей**, д-ра и орд. проф. теологій въ Амстердамѣ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. В. Н. Линдъ. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ, свыше 1000 страницъ, и выходитъ выпусками, по пяти въ каждомъ томѣ. Содержаніе каждаго выпуска слѣдующее: Въ I томѣ: 1) Введеніе. Первобытныя народы. Китайцы, Японцы. 2) Египтяне. 3) Семитическіе народы Средней Азіи. 4) Евреи. 5) Исламъ. Во II томѣ: 1) Индусы. 2) Персы. 3) Греки. 4) Римляне. 5) Славяне, Литовцы, Германцы, Кельты. Подписная цѣна безъ доставки въ Москвѣ 4 руб., съ доставкой и пересылкой 5 руб. 50 коп. По окончаніи изданія цѣна **будетъ повышена**.

Изданіе магазина „**КНИЖНОЕ ДѢЛО**“ въ Москвѣ. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. и при полученіи 2-го, 4-го, 6-го вып. по 1 руб.

~~~~~

3 2044 017 983 164

